

Юрий Колкер

**Я ПОСЛЕДНИЙ
И
Я ПЕРВЫЙ**

стихотворения

Milton Herts WD6

2018

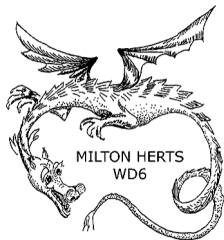
Yuri Kolker
MY LAST ONES AND MY FIRST ONES
(IN THE OLD WORLD & MY MILKY WAY)

Юрий Колкер
Я ПОСЛЕДНИЙ и Я ПЕРВЫЙ
(В СТАРОМ СВЕТЕ и МЛЕЧНОЕ)

Design & Cover:

© TK & YK

© Text: Omnis Qui Transibit

ISBN 978-1-78808-461-1

**В СТАРОМ
СВЕТЕ**

(2001-2017)

I grant the man is vain who writes for praise.
Praise no man e'er deserved, who sought no more.

Edward Young,
Night-Thoughts on Life, Death & Immortality.
Night V. The Relapse, 1742

СТАРО-НОВЫЙ ДИВАН

...что ж! будь по-вашему! Уступаю. Вот перед вами моя последняя книга стихов. Пускаюсь в это предприятие в новые времена, когда книги целыми библиотеками выбрасывают на помойку, в первую очередь — книги неудачливых стихотворцев; когда книга в привычном для нас понимании отошла в прошлое... а уж стихи, да ещё стихи на этом периферийном, ненужном и так откровенно опустившемся языке... Надоевшие всем стихи!

Но я и себе поблажку делаю, уступаю моей слабости, — только не тщеславию, как случилось, а потребности завершить начатое и поставить точку. Вам ли не знать, что я жил стихами с детства, но никогда не кормился от них, зарабатывал на хлеб чем-то посторонним, работал тяжело, никогда не имел досуга для главного, — вот и вышло, что большинство моих стихотворений — наброски... прямо по классике: «У меня много неконченного (d'îpachevé)». Хочу выйти из этого классика, довести наброски до ума, выстроить их и освободиться от них. Сейчас-то у меня есть досуг...

Для вас, прочитавших мою *Клинопись* 2007 года, эта книга и полностью новой не будет. *Клинопись* я издавал в спешке, кое-как; сунул туда в качестве приложения кипу недоработанных стихотворений под названием *Старо-новый диван* — эскиз вот этой книги. Прошло

больше десяти лет. Стихи, как я их ни гнал, возникали. Теперь книга завершена. Вручаю её вам под исправленным названием, с побелкой и дополнениями, среди которых — и неопубликованные старые опыты, всплывшие под старость.

Важно вот ещё что: некоторых моих стихотворений начала века я теперь не понимаю. Их не правлю, — в надежде, что какой-то смысл, от меня ускользающий, они удерживают.

...Такая вот старческая апологетика. Перед чужими не стал бы... перед теми, кому надо объяснить, что *тяготный* и *Евридика* — не опечатки, с ними разговор кончен, а перед вами не грех и вздохнуть...

Ю. К.

29 октября 2017,
Боремвуд,
Хартфордшир

На пиру хозяин садится в центре скамьи.
У себя он в дому, и никто ему не судья.
Ешьте, гости званые, пейте! Все мы свои.
Ты мне тоже не откажи, госпожа моя.

Мы в родстве, нам весело... В море идёт ладья,
В небе Один идёт над нею грозной тропой.
Ты и там вела меня, госпожа моя.
О былой и новой доблести, скальд, пропой!

На пиру открытом нет посторонних глаз.
Пир незримый, главный в наших сердцах идёт.
Мы родство сердец скрепили в который раз?
Подсчитай нам, Фрея! продолжи счастливый счёт...

30.03.13

Из тьмы выходит Эос
С пурпурными перстами.
Гонимый и гонитель
Меняются местами.

Теперь гонимый гонит —
И шею не считает.
В цепях сидит гонитель
И кодекс не листает.

Мальчишка-повелитель
Сидит на шатком троне.
Рождается мыслитель
В поверженном драконе.

Блаженный космос занят
Блаженной чехардою.
Девчонка пальчик ранит
Последнюю звездою.

На хаос первородный,
На эрос изначальный
Глядит малютка Эос
С улыбкою печальной.

3.01.07

ВЕРУЛАМИУМ

У речки Вер,
У римских стен, в краю Боадицеи,
Трофеи перечту: моей мечты затеи,
Руины милые моих надежд и вер.

Ни чёрных дыр,
Ни свар, ни свор, ни горестных оскомин —
Течёт река. Пусть вероломен мир,
Мой Веруламиум не вероломен.

25.06.15

СЛЫШУ КЛЁКОТ

(ИЗ АВРОМА СУЦКЕВЕРА)

בשעת כ'האָב מיט פֿאַרמאָכטצ אױגן

Я сочинял — и глаз поднять не мог.
Вдруг — точно пламя на порог шагнуло
И слово со страницы полыхнуло,
Сияющее смыслом слово *Бог*.

А я — поступок мой необъясним
И ужасом проникнут — моментально
Его вымарываю машинально
И слово *человек* пишу над ним.

С тех пор немотствую. Всю кровь из жил
Взяла незаживающая рана.
И вещей клёкот слышу постоянно:
— Безумец, как же ты продешевил!

15.05.13

Осип и Франц на ранних снимках похожи —
Две обаятельнейшие еврейские рожи.

Если взглядеться в тексты — и тут родство:
Этот мечтал забористее того.

Бога искали оба — и в дурь съезжали,
Вот и чудны оставленные скрижали.

Бог и подавно только себя искал.
Тоже еврей по матери, радикал.

Грезя Гулагом, университет забросив,
Франца читает Осип, бывший Иосиф.

12.03.07

Евреи несут
Священный сосуд,
Очей не смыкают,
А что в нём, не знают.

23.01.17

Расцвёл нарцисс. Холодный март стоит,
А он поднялся — и в меня глядится.
Сыра земля, царица Анаит,
Спроси любимчика, чиста ль водица?

Зороастрийский юноша уныл.
От горестей, что март ему пророчит,
Ссутулился, лицо своё склонил —
И в зеркале узнать себя не хочет.

18.03.07

ОДНОКЛАССНИКИ

Я этой блажи отдал дань:
Хотел услышать: — Лазарь, встань!
Хотел увидеть милый взор.
Тут Лазарь встал — и вышел вздор.

За эту негу, этот пыл
Я ноги мыл и воду пил,
Но своды школьные — фетиш,
Которого не возвратишь.

Прощай, отчаливай навек,
Счастливой памяти ковчег.
Вернись, браток, на свой шесток,
Проснись и пой, что свет жесток.

11.01.09

Вчера сплошной пустыней степь была,
Но отступает север,
Из ничего является пчела,
Благоухает клевер.

Ошеломляющая даль видна
С любого полустанка.
Со мной твоя мечта, твоя весна,
Эмилия, сестра-американка!

Пчеле поможет стреловержец-бог
Своею жаркой речью —
И медоносный женственный цветок
Раскроется навстречу.

Животворящая мечта вспорхнёт
Из чаши медуницы.
У птиц медовый месяц каждый год,
Но чем же мы не птицы?

1.03.07

Евгений... Какое красивое имя: Евгений!
Я девственный вижу аттический мрамор ступеней.
Я Пушкина слышу. Я слышу раскаты геройской
Музыки: идёт полководец Евгений Савойский.
А вот и народ, этим именем одушевлённый:
Многомиллионный Евгений удешевлённый.
В толпе и поэт-попрошайка с улыбкою свойской.
Что слышно? Захаживай в гости, Евгений с авоськой.

16.01.07

Меж сверстников я друга не нашёл —
Не нужно и читателя в потомстве.
Отталкивает душу произвол
В подобном половинчатом знакомстве.

Потомок снисходительный тавро
На мне поставит недочеловека:
Компьютер мой — гусиное перо,
Мой самолёт — скрипучая телега.

Вообразим читателя на миг.
Вот он глядит из языка чужого,
Из той страны, где больше нету книг
И выветрилось царственное слово.

Он, может, и прочтёт меня взахлёб,
Да мне в его компании не выжить.
Воскресни Пушкин — тотчас прыгнет в гроб,
Чтоб только нас не видеть и не слышать.

Потомку нужен предок. Он урок,
Мораль и миф добудет из потёмок.
Он заработает на мне кусок.
Но чужд и гадок пращурю потомок.

17.01.07

Вот Гамлет. Он уцелел и стал королём.
Жива и Офелия. Мы слезы не прольём —
Ну, разве от счастья: сейчас влюблённых поженим.
Конец страстям и прочим пустым движениям.
Ничто не подгнило в Дании. Сыт народ.
Монарх учёный шкуры с нас не дерёт.
Убийца — на Темзе, в одной из дальних колоний.
Гертруда — в монастыре. Сияет Полоний.
Пасутся овцы. Всюду мир и прогресс.
У Фортинбраса гнев на Польшу исчез.
Горацию дали в Эльсиноре квартиру —
И нечем, нечем нас огорчить Шекспиру.
Вообразала чуши нагородил,
Из трагедийной ереси исходил.

21.04.06

К ПЕВЦУ ПИРОВ

О чём печалишься? Неужто это ново,
Что счастье — тоже род товара покупного?
Не вижу, отчего бы нам за счастье жить
Страданием, трудом, *деньгами* не платить.

26.07.79, 2017

НЕГОДЯЙ

Всадник меня настигает. Спрятаться негде.
Меч его обнажён, а я безоружен.
Слева — село: девушки хороводят.
Справа — поле: пахарь идёт за плугом.
Прямо — речка: плещутся в ней мальчишки.
В небе — ни облачка. Ласково день сияет.

Если бы я раньше вышел в дорогу,
Был бы сейчас в укрытии, прожил бы долго.
Если бы я взял с собою хоть палку,

Ткнул бы в ноздри коню, смерть бы отсрочил.
Если бы я прожил век по-другому,
Был бы сейчас в седле, сам-друг, при оружьи,
Недругу бы простил любую обиду.

Не убивай! Я обниму тебе ноги,
Верным буду слугой, рабом бессловесным.
Не убивай! Мало я счастья видел.
Мать заплачет моя, заплачет подруга.
Не убивай! Ближним я зла не делал,
Если же делал, всё искуплю. Помилуй!

Если бы жизнь мог я прожить иначе...
Что это, что?! Больно... Боже, как больно...

9.11.06

ФАРИСЕЙ

Свергнуто иго будущего. Ура.
Больше не нужно умным и добрым быть.
Все мои доблести, евшие хлеб вчера,
Стали песней, не просят ни есть, ни пить.

Сброшен давний, с детства томивший гнёт.
Сдох дракон, пожравший лучшие дни.
С прошлым — прежняя боль: нет-нет, да лягнёт,
А будущему — копейки не дам. Ни-ни.

Истово, рьяно идолу я служил,
Бил поклоны, постился, сил не жалел,
Ну, и довольно. Схлынули хворь и пыл.
Переболел я корью, переболел.

26.09.06

ИЗГНАННИК

— Что ритмизовано, то спасено
Для будущего, для мечты, для смысла... —
Мой собеседник распахнул окно.
Сырая ночь над хижинкой повисла.

— Ты слышишь моря шум? Где ритм, там бог.
А речь? — помедлил он. — В ней каждый слог
Незряч и глух, лишён лица, как атом,
Но слово делает его крылатым.
Циклична жизнь, волне подчинена.
Предвосхищает нашу мысль волна...

Луна сияла холодно, без блеска.

Тут Хлоя — колыхнулась занавеска —
Вошла с подносом, воду и вино
На стол поставила, орехи в миске,
И удалилась, слова не сказав.
Была она спокойна и грустна,
Тонка, как персиянка, темнолика,
Но словно изнутри озарена,
И я подумал с горечью: какую
Он женщину увозит! Вот кого
И я бы мог до старости любить:

Не уставая, окружать заботой
И заслужить её любовь в ответ.
Вся — музыка, вся сдержанность и нега...
За что ему счастливый этот дар?

В кратере он смешал вино и воду.
Мы чаши сдвинули. — Богам служи, —
Продолжил он, на ложе приподнявшись, —
— Но без любви (им дела нет до нас)
И без подобострастья, — как сильнейшим.
Не раздражайся, не спеши, не жди,
Плати сполна отпущенному часу.
Ни зависти, ни самолюбованью
Ни на мгновенье воли не давай.
Прими и затверди, что ты никто,
Минутный гость, в любых стенах чужой.
Корми не досыта мечту пустую,
Что кто-то может жизнь с тобой делить,
Держи в узде желанья и надежды.
Мечтай расчётливо. Покой и ритм
Цени. Будь прост. Толпу оставь толпе.
Забудь о черни. Пусть её резвится.
Для тех, кто мыслит, остракизма нет.
Живи...

Опять качнулась занавеска,
Но не вошёл никто. — Мне утром в путь, —

Сказал он, факел со стены снимая.
— Тебя проводят. Если же ещё
О смысле жизни спросит кто, скажи,
Что тут ответ содержится в вопросе:
Живи — и смысл придёт. Живи собой.

Я отослал раба и вышел к морю.
Дорожка лунная к моим ногам
Стелилась шелковым ковром. Триремы
Дремали в гавани Пирея... Лес
Почудился мне в возгласах волны...
Лес копий. Красные плащи спартанцев,
Их страшный клич... — А доблестны ли были,
— Спросили пленного, — кто там погиб?
— Тростник бы стоил дорого, умей
Он доблесть отличать, — ответил узник. —
Они сдаются, отдаются в плен!
Спартанец — в узах!.. После Фермопил
Решили, что такого не бывает...
А Формион? У берегов Локриды
На двадцати афинских кораблях
Выходит против ста — и с ним победа!..

Нельзя ли мысль с волною увязать?
Богам служи... Не точность ли — служенье?

Да! Точность, полнота и стройность — ключ
К ларцу богов, к тому, чтоб жить собою.
Всё опишу, что видел и разведаль.
Уравновешу правоту. Воздам
Всем по делам, а Хлою позабуду...

Такой войны подлунный мир не знал.
Увижу всё — и буду беспристрастен,
Как бог... нет, больше: как волна, как ритм, —
Он в неживом предчувствует живое,
Он жизнь творит, он отвергает смерть,
А сам не знает жизни, сыт собою...
Сыны моих сынов умрут, потомства
Мужского не оставив, а слова
Меня продолжат на века, а Хлою
Я никогда не стану вспоминать...

Смолистый запах ветром донесло,
Бродячий дух пеньки и парусины
Ударил в ноздри. Возвещая день,
Едва заметный лепесток зари
На небе развернулся...

И тут я понял: друг не всё сказал.

1.12.06

Инфузория, ты мой предок:
Похвалю тебя напоследок.
Бог надул. Оказался глух.
О тебе помечтаю вслух.
Только ты и явила чудо:
В этот мир пришла ниоткуда,
Тихо в талии раздалась,
В позвоночное развилась,
Начала постигать светила,
На Треблинку ума хватило.
Похвалю тебя, люблю.
Может, скинемся по рублю?

На меня глядит из потёмок
Инфузория, мой потомок.

17.04.09

Я откусил от вечности кусок —
Но странно! Не убавился пирог,
Бесовских не убавилось вопросов,
И все соблазны тут, лоза к лозе.
Проверь свои весы, Лавуазье!
Протри рядом реторту, Ломоносов!

25.05.10

Обожгу горшок, напишу стишок,
Оторвусь от земли на вершок.
Миллиарды лет мать пуста земля
Мне готовила посошок.
Километры вглубь мать скупа земля
Накопляла, мгновенья для,
Глинозём, перегной, ко грешку грешок
Птеродактиля, мотыля.

...А на месте том, где отцвёл стишок,
Над родным языком
Шевеля плавником,
Вырастет артишок... art-и-shock.

3.07.06

СТАНСЫ

Ещё один день без голода и мучений,
Без горьких обид... кроме главной (она не в счёт), —
Не стыдно ли сомневаться, что добрый гений,
Подбадривая, по жизни тебя ведёт?

Заглянешь в поэта — там выверты и кривлянья,
Заглянешь к учёному — скука и произвол, —
Не чудо ли, что частицу живого знания,
Ты, нищий счастливец, в душе у себя нашёл?

8.05.1996, 2017

Есть много славных мест в подлунном этом мире,
Но было б лучше мне родиться в Хартфордшире,
В деревне Потерс-Бар харчевню содержать
И никуда вовек отсель не уезжать.

31.01.06

Святой Георгий на коне,
Тесак и пика, весь в броне,
Под ним — несчастный ящер.
Не дав травинку дожевать,
Спешит его освежевать
Мой кровожадный прашур.

Зверь безобиден, не крылат,
Плешив и кроток, как прелат,
Но, одержимый духом,

Мой тёзка, доблестный в бою,
Коня пихает на змею
Незащищённым брюхом.

Мы в бой пошлём своих сынов
За равноправье скакунов,
За ящеров свободных.
В своей же собственной стране
Противен витязь на коне
Защитнику животных.

25.05.04, 11.01.06

Ждёшь этих звуков блаженных,
как манны небесной,
Ждёшь, изводясь, не щадя оболочки телесной,
Ждёшь — и являются: матушки, что за фигня!
Царь геликонский, почто ты оставил меня?
Смилуйся! Я ли по-божески жить не старался?
По человечески... Гнал эту хмарь, упирался —
Глядь, и состарился. Вся королевская рать —
У изголовья. Легко ли нагим помирать?

Хаос первичный мне космосом сделать хотелось.
Хаос привычный последние всхлипы уносит.
Вышла из мрака с перстами пурпурными Эос,
Вышла из мрака младая — и взгляда не бросит.

6.01.06

Галс невыгодный выбран: крутой бейдевинд,
Под форштевнем — оскаленный риф.
Нас швыряет, в щепы разнести норовит
Человеколюбивый пролив.

Хлещет, бьёт, завывает. Сорвало бизань.
В яму носом, над — мачтой земля.
Вот, приятель, и мера тебе: капитань!
Кровь утри да не трусь у руля.

Ты хотел этих радостей? На, получай.
И не сетуй, других не вини.
Бог к дурным благосклонен. Добавит на чай,
Если выгребешь из западни.

Ты и в жалкой скорлупке не сядешь на мель
И протоку сумеешь найти —
Лишь бы жаркая проповедь новых земель
Поощряла безумца в пути.

Одержимый удачлив. Пусть самообман
На минуту оставит его —
И не тронутся с места Колумб и Брандан,
И твоё сумасбродство мертво.

4.11.78, 20.09.05

МУДРЫЙ НЬЯЛЬ

Молодые рвутся убивать.
Кровь их радует и скрежет стали.
Властвовать хотят, повелевать.
Со времён Адама убивали.

Гордостью изводится храбрец,
Чести домогается и славы.
Скальд возложит на него венец,
Вечность увенчает путь кровавый.

Скальд и сам отвагою горит,
Поединка требует, отмщенья.
Странно: ничего не говорит
И ему его воображенья!

На исландском вольном берегу,
С детства брани превзойдя науку,
В схватке закадычному врагу
Ногу отсекает или руку.

Просит витязь, бронзовый на треть,
Песнопевец, мраморный по пояс:
— Дайте мне красиво умереть!
Ни о чём другом не беспокоюсь!

А старик предпочитает жить.
Ржавчина его секиру съела.
Жить и жить, и жизнью дорожить,
Ублажать разбуженное тело.

— Вечность — погремушка детворы, —
Скажет Няль. — Мальчишки непослушны:
По неразумению храбры,
По неведенью великодушны. —

Ньяля ты от подвигов уволь.
Он-то знает: не войдёт калека
В храм веков. Не смерть, а срам и боль
В нас уничтожают человека.

16.01.06

СОН

Она ребёнка уложила
И птицу салом накормила,
А птица вещая была,
И Фёкла слушает, бела:
— Нас больше нет. Мы пали в честном
Бою с врагом, тебе известным.
Лежим, и просит прах земли.
Пришельцы тоже не ушли.
Похорони на поле дальнем
Под тополем пирамидальным
Меня и брата твоего.
Иди, встречай своё вдовство!

26.12.14

ОСЕНЬ В АНГЛИИ

(из Eugene D.)

1

Они пропали... Ни одной не стало!
Прислушайся: рассветный хор умолк.
Попрятались в кустах и рощах. К новой
Весне готовясь, отдыхают, линькой
Болеют...

И бутылки, у порога
Молочником оставленные, целы:
Их крышечек неплотную фольгу
Синицы не проклёвывают больше,
Спеша упадок сил восстановить
И выкормить птенцов...

И вот — грущу
Без них! Ни разу птиц за их проделки
Не попрекнул я, тонкой плёнки сливок,
Скопившихся под крышкою, пернатым
Изголодавшимся, по девятнадцать
Часов на дню трудящимся, ни разу
Не пожалел, — за счастье почитал
Помочь беднягам выкормить потомство
И на крыло поставить...

Унылая пора! Сказать вам откровенно,
Садовникам она прибавила забот:
Листву, забившую пруды и озера,
Что в парках городских, на берег выгребают,
В аллеях загородных расчищают путь
К усадьбам, про себя меж делом отмечая,
Что всякому листу положен свой черёд.
(«А если кто раствор изобретёт,
Чтоб лист сгонять, тот враз разбогатеет!», —
Так думают, метя.) Каштан, за ним орех
Меж первыми своё убранство отряхнули,
А там уж и платан, болотный кипарис,
Берёза. Только вяз всё держится; палитра
Оттенков жёлтого чудесно хороша
На зелени (за ним проглядывает хвоя).
Хотя и то сказать: важно расположенье.
Гол явор, что открыт ветрам, меж тем другой
Ещё не облетел — за домом, над рекою.
И год, заметь, на год не выпадет. Каштан,
Три полных месяца свою листву терявший,
Был прошлой осенью, что выдалась морозной
И солнечной, однажды на заре
За три часа раздет — как если бы хитон

Их вечный дом: в арктической России,
В безлюдной тундре, в заводях, болотах,
У топких берегов невероятных рек,
На север тянущихся, точно руки
Таёжных демонов, в неразличимой
Дали...

И — пронеслись. Но вот ещё одна,
А там, гляди, плывёт и третья стая —
И кличет надо мной станица снеговая...

22.03.00

Учёный Ю-кунь любил свой нищенский дом.
Вдоль треснувших стен трава у него росла.
Состарился Ю. Ходил и думал с трудом,
Но детская боль в душе у него жила.

Зачем этот мир прямого смысла лишён?
Зачем человек так мелочен, глуп и зол?
Не бога, себя об этом спрашивал он,
Поскольку бога в мире Ю не нашёл.

Уверился Ю, что нет и людей таких,
Которым сердцем он бы служить хотел.
И Ю отошёл от дел и забот людских,
Стихи писать перестал, к друзьям охладел.

В погожие дни Ю-кунь работал в саду,
Жасмин поливал, скворцам еду насыпал.
Покуда бога в сердце я не найду,
Я птиц покормлю, — он так про себя мечтал.

Прослышали птицы, что с Ю случилась беда:
Что он заболел, не может ни есть, ни пить,
И каждая детский пух взяла из гнезда
И к Ю принесла — в беде ему пособить.

Дрозды и скворцы, лазбóревки, воробьи,
Щеглы, зарянки, вяхири, снегири
Слетелись к нему, покинув гнезда свои,
В саду собрались в лучах вечерней зари.

Выходит, не зря, — подумал старик, — я жил:
Учёность любил, приятелей, дом, семью,
А счастье обрёл сегодня — в трепете крыл.
Тут сумрак сошёл на землю, и умер Ю.

29.05.11

МЕДЕЯ

На огненной колеснице,
Драконами запряжённой
(не ты ли мыла посуду
И стирала бельё?!),
На огненной колеснице
За океан умчалась,
В блеске и славе Гекаты,
Страшной тётки твоей.

Теперь ты опять царица,
Как было при первой встрече,
До слов и прикосновений
И супружеских ласк.
Теперь ты опять колдунья:
Таинственна, недоступна
Вблизи богов и созвездий,
И жалок я пред тобой...

23.10.85, 2017

Лукавая мечта мне душу веселит —
Ей место подыщу в лирическом герое.
Любуюсь, как она вписалась в монолит.
Я с нею Менелай, не возжелавший Трои.

Елена старится. История брызжит.
Елена никому не хочет быть женою.
Не спрашивай, кому она принадлежит.
Года сгущаются... Ей весело со мною.

20.02.99, 2017

Влюблённые играют в поддавки.
Счастливики! Им райских кущ не надо.
Гуляют у кладбищенской реки,
Где смотрит в реку ржавая ограда.

Бессмертному чужая смерть легка.
Их умиляют старые могилы,
Над ними неподвижны облака
И вечный день стоит, как Фермопилы.

5.01.06

Видно, что ветреный день. Шарфик и воротник
Мягкой вздуты волной. В хвое ветер шумит.
Снимок вышел хорош. Щёлкает мой двойник,
А ты всегда хороша, милая Шуламит.

Странно мне, что не всем прелесть твоя видна.
Горько мне: этот миг нужно делить с другим.
Нет, улыбка не лжёт: так прекрасна она!
Только на близких мы, счастьем полнясь, глядим.

1970, 25.06.06

Цветок незряч и слуха не имеет —
И Моцарту пернатому не рад.
Где сведенья, что он ценить умеет
Хоть свой неповторимый аромат?

В банаховом пространстве пребывает,
В монастыре, нездешний, как звезда.
Всего страшней, что он тебя не знает,
Увянет, не увидев никогда.

1997, 11.06.06

— Устал ли ты в чужом краю? —
Любимая спросила. —
Ведь вот и молодость твою
Обида подкосила!

— В одном краю, — ответил я, —
Меня приворожили.
С тех пор, как фею встретил я,
Мне все края чужие.

10.01.06

Я не мыслитель, нет. Но вот хоть Кьеркегор:
Не слишком высоко он ставил разговор.
Нежнейшее родство не уважает звука.
В час творчества молчат искусство и наука.

Ты помнишь сад камней? При свете дня вдвоём
Друг другом полные, мы под руку идём,
И возвеличивает нас молчанье,
Как своды гулкие — счастливое венчанье.

21.07.06

Друг от друга нам некуда деться.
Эта жизнь — заколдованный круг.
В зеркала, в зеркала наглядеться
Мы ещё не успели, мой друг.

Мы ещё не устали от муки,
Наши горести нам не смешны.
И выходит: до вечной разлуки
Мы с тобою друг другу нужны.

12.08.02

Бесплезное крылатое прости
Отпускаю в серафическую бездну.
Не исчезни на излучине пути!
Если ты не улыбнёшься, я исчезну.

Было руки нам дано соединить
Ради света, возвышающего звуки.
Ты, сердца соединяющая нить,
Не исчезни, не растай в разлуке!

27.09.14

Он отличает стыд и совесть,
А для меня они одно:
Неувядаемая новость,
Библейской выдержки вино.

Они сошлись неразделимо:
Две заповеди, две мечты,
Два вечных Иерусалима,
Две боли вечных: я и ты.

23.10.85, 9.11.17

Мальчишкой я молитву произнёс,
Пожаловался греческой богине,
И всё сбылось под старость. Так сбылось,
Что лучше б не было меня в помине.

Я о любви язычницу просил —
Особенной, с неизъяснимой мукой.
Алтарь не обманул. Не стало сил
Мириться с ежедневною разлукой.

Я в шутку о предательстве взалкал.
С младенчества меня дразнила бездна,
Заискивало из кривых зеркал,
Астрономическое *Бесполезно*.

Хмарь, с Брутом под руку, влекла в музей,
В кунсткамеру Иуды, Мессалины...
Сбылось и это. Всех моих друзей
Я оттолкнул без видимой причины.

Чужим, опять без выгоды в уме,
Гонителям, сменив орла на решку,
Кадил в перемежающейся тьме
Язычества — и пожинал насмешку.

Мне нужен был невыдуманный стон,
Живая боль, из тех, чем сердце дышит,
А скальпелем служил оксиморон...
Теперь, поди, меня и Бог услышит!

16.11.06

Вы оба слева: сердце и ты.
Вздымаюсь, преодолев
Тщету сермяжную правоты.
Когда я неправ, я лев.

12.10.07

Без преданности нет предательства, ведь так?
Нам не о солнце ли свидетельствует мрак?
Незаданный урок не требует ответа.
Там не было любви, где не было обета.

11.11.12

Есть неосуществимая мечта,
Видом неотличимая от тщеты.
Свет и его соблазны пред ней — тщета.
Имя ей — местоименье простое: ты.

Жизни мне этой с гулькин осталось нос.
Если б сбылось, о большем бы не просил.
Выход — прост и ужасен. Ужасно прост.
Переломить соломинку нету сил.

Есть такая особинка у судьбы
В Ждановку окунувшейся гольтьбы:
Правда перелопачивается в ложь.
Не обернёшься вовремя — и убьёшь.

30.06.06

Подстреленная лань убийце лижет руку.
Скажи ей: все умрём! сегодня твой черёд!
Убитый жалостлив, убитый нас поймёт
И на себя возьмёт твою вину и муку.
Не унывай. Вернись под свой счастливый кров,
В свой преисподний рай, в твой лучший из миров.

23.06.15

Если другая положит мне руку на грудь,
Может, сумею в таком же блаженстве уснуть.
Море увижу во сне, пароход у причала,
Целую жизнь впереди, без конца и начала.
Страшный ответ растворится, уйдёт в лазурит,
Добрая фея улыбкой мне путь озарит,
Мать поцелую, с отцом обнимусь на прощанье,
И не тебе, не тебе я назначу свиданье
Там, в заповеднике прошлого, в мае твоём,
Где мы с испугом друг в друге себя узнаём.

Дружба вернётся — и друг не предаст,
не подставит,
Не усмехнётся мне вслед, образумит, направит.
Бог не затеет со мной беспощадной игры.
Помнится, были когда-то и люди добры.
Я поумнею, от мыслей избавлюсь позорных,
Мужествен буду во сне я, в слезах благотворных.
Может, себя и тебя ухитрюсь я вернуть,
Если другая положит мне руку на грудь.

1970, 2.10.2001

Киприда пенорождённая,
От прошлого освобождённая —
Какой божественный дар!
Опять пятнадцатилетняя,
И новость твоя последняя —
Души нетронутой жар.

Ни облачка там, ни опыта,
Амброзия грёз недопита,
Росой сияет бутон..
А дальше — старые новости:
Гефестом во взрослой повести
Становится Аполлон.

23.09.05

Не прощай. Да и я не прощу.
Что нам эта поблажка?
Слово камнем ложится в пращу
Невозвратно и тяжко.

Не прощу, потому что живём,
Уповая на чудо.
Не прощай, потому что вдвоём
Нам не скучно покуда.

Не прощу для того, чтоб любить
И к мечте прикоснуться.
Не прощай, потому что простить —
То же, что отвернуться.

Перед отроком вещим неправ,
Равнодушен к святыне,
Точным словом убит Голиаф
Суеты и гордыни.

8.01.07

Я свободен, свободен:
Не боюсь, не хочу.
Над огнём преисподен,
Улыбаясь, лечу.

Над обидой и скверной,
Над природой людской.
Не всплакну над Шпалерной,
Не вздохну над Ланской.

Ради мушки нательной
Не тружусь, не корплю.
Я над братской котельной
Совершаю петлю.

Недоступен недугу
Чести и правоты,
Изменившему другу
Улыбнусь с высоты.

Той звезды, что питала
Давний сестринский пыл,
На востоке не стало.
Не люблю. Не любил.

Точно ангел господень,
Я не ведаю тьмы:
Ни народов, ни родин,
Ни сумы, ни тюрьмы.

Не всплакну над Удельной.
Не храню амулет.
В синеве запредельной —
Ни соблазнов, ни лет.

Здесь не поздно, не рано,
Ни любви, ни стыда.
Здесь нирвана, нирвана.
Здесь настало Всегда.

7.09.77, 13.09.05

Викси, птица викси, отзовись!
Глубь тобою полнится и высь.
Сладостна крылу голубизна.
Мною, птица викси, ты полна.

Засветло в дорогу соберусь.
Облако похоже на Эльбрус.
Близятся далёкие края.
Свидимся, небесная моя!

Встретимся с тобою поутру
В городе прохладном, на юру.
Рифму мне, сестрица, щебетни,
Вечность, птица викси, мне верни!

Я волшебней вымысла: я был.
Вымысел я кровью напоил.
Счастьем обернулась западня.
Небо приголубило меня.

28.09.11

Девушки Рая и Ада из рая и ада,
Как я рад вам! Да и хозяйка рада.
Вот они — отпущение и отрада.

...В Иудейских горах — иудейский прах,
Скоморох проскакал на семи ветрах...
Между двух прекрасных еврейских роз
Мухомором вырос русский вопрос.

Девушки Ада и Рая из ада и рая...
Не спрашивай, откуда первая, откуда вторая,
В раю ли, в аду юродствуешь, умирая...

24.04.09

Много жизней прозаику нужно прожить.
Скописердствуй, хозяин, живи!
Размотай в лабиринте суровую нить —
Ведь и нам не хватает любви.

Можешь в Ялту героя отправить, в бедлам,
В Вифлеем, в кошкин дом, хоть куда.
Тут и плачь за двоих. Со слезой пополам
Над любимой очнётся звезда.

Ты в меня воплотись, напиши обо мне:
Как я жалок и немощен был,
Как обиду мою выводил на ремне
И водой Флегетона поил.

Ты талантлив. Сумеешь тоску обмануть
В колесе мировой чепухи.
А поэтом не станешь. Об этом забудь,
Хоть и чудные пишешь стихи.

Много жизней прозаику нужно прожить.
У поэта — одна, но ему
И одну дотянуть, чтоб не лопнула нить,
В кои веки удастся сквозь тьму.

1978; 2005

Любовь и кровь навеки сведены
В раю стыда, обиды и вины,
В краю, где кровь любви не отрицает,
А млечный перстенёк слепит, мерцает.

Любил. Кого сильнее я любил?
Кого, стыжусь, сильнее ненавидел?
Ты умер, мимолётный схлынул пыл,
А я покуда счастлив, бог не выдал.

Мы все проходим по одной статье,
Стоит живая очередь к свинье,
Но счастье грешное не угасает,
И небо детское манит, мерцает.

4.02.12

УМОЛКНИ, МЫСЛЬ!

(ИЗ ВИЛЬГЕЛЬМА Л.)

В слезах, сквозь пелену душевного тумана,
Вдоль хмурых вод лесных плетусь, полуслепой.
Сердечная змея мрачит рассудок мой,
Язвит о той, в ком нет, мне грезилось, изъяна.

Воображение, уймись! Закройся, рана!
Мысль, не взметаи обид, одна страшней другой,
Слезами не души, верни душе покой,
Из преисподнего освободи капкана!

Но ты упорствуешь! Что ж, храм развею твой:
Самоубийством, знай, твой замок я разрушу
И отдых обрету, навек освобождён.

Забвенья сладкого не ведает живой.
Покончив с ревностью, что так терзает душу,
Все горести земли избудет смертный сон.

5.10.12, 30.07.16

ИЗБАВЛЕНИЕ

(СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС)

Verde que te quiero verde.

Сердцем вижу тебя в зелёном.
Ветви зелены. Ветер зелен.
Чёлн, раскачиваемый морем.
Конь, оставленный на утёсе.
Ниже талии скрыта тенью,
На балконе она мечтает:
Зелень локонов, зелень пальцев,
Хризолит холодного взгляда.
Обожаю тебя в зелёном
Под луной, цыганской луною.
На неё глазеют предметы.
Им она ответить не хочет.

Ветви, вот что люблю я. Вётлы.
Иней. Плещут крупные звёзды.
Звёзды ходят сумрачной ночью,
Отворяют врата рассвету.
Чу! Смоковницу ветер треплет.
Чу! Стволы наждачные трутся.
Холм свернулся хитрою кошкой,

Ощетинился, как агава.
Некто близится — кто? откуда?
Вот сидит она на балконе,
Руки, волосы — вся в зелёном,
Грезит морем, горечью моря.

— Слушай, кум, я коня меняю
На очаг, на кров её дома,
Упряжь — на зеркала меняю,
Нож — на мантиль её меняю.
Кум, бреду я от самой Кабры.
Там я прятался. Кум, я ранен.
— Будь, малой, на то моя воля,
Быстро б дело это решилось.
Да уж я-то не я, и дом-то
Мой — не мой: ни меня, ни дома...
— Кум, позволь умереть пристойно,
У себя, на стальных пружинах,
На голландском белье, в постели.
Иль не видишь? Рана — по горло.
От ребра истекаю кровью.
— Триста маков тёмно-багровых
Вытканы на твоей рубахе.
Кровь струится, ткань набухает.
Кровью фаха твоя пропахла.

Да уж я — не я, да и дом-то
Мой — не мой: ни меня, ни дома...
— Дайте ж мне хотя бы подняться
До высоких перил балкона!
Ах, пустите, дайте подняться
До балкона перил зелёных,
До опор, луной озарённых,
Где вода гремит по железу.

Поднимаются два цыгана,
Поднялись к высоким перилам.
След их кровью мечен, слезами.
Смочен след их слезами, кровью.
Фонари под кровлей дрожали
Черепичною жестяные,
Тамбурины сонмом хрустальным
Отворяли рану рассвета.

Так тебя я люблю: в зелёном.
Ветви зелены. Ветер зелен.
Поднялись гитаны к перилам.
Налетел зефир тихоструйный,
Терпкой смесью им лица обдал
Горьких трав, базилика, мяты.

— Кум! Да где же она? Ответь мне!
Где твоя девчонка шальная?
Та, что здесь тебя ожидала
Ночь за ночью — и снова будет
Ждать, свежа и черноволоса,
У зелёных перил балкона...

На недвижной воде зеркальной
Чуть покачивалась цыганка.
Зелень локонов, зелень тела,
Мельхиор остывшего взора.
На поверхности водоёма
Месяц держит её перстами.
Ночь внимательна и уютна,
Как опрятный семейный дворик.
Ночь приветлива. С пьяным криком
В двери дома ломится стража.

Я тебя полюбил в зелёном.
Зелень влажной прохладой веет.
Чёлн волной морскою качаем.
Лошадь брошена у вершины.

7.10.08

Нашу неизбежную разлуку
Начали мы праздновать давно.
Друг бесценный, протяни мне руку!
Не грусти. Сейчас нам скрасит муку
Терпкое испанское вино.

Кажется, тебе сулил я царство...
Что ты плачешь?.. Хлынули гурьбой
Горести, обиды и мытарства.
Улыбнись. От жизни есть лекарство.
Мы ещё увидимся с тобой.

Не уму доверимся, а звуку.
Сколько света в слове сведено!
Друг необычайный, дай мне руку.
Там, где мы не встретимся, темно.

2.01.07

Не учи меня жить, я и сам не умею.
Не могу в этом мире найтись.
Все понятия сдвинуты, даром старею,
Между адом и гадом повис.

Всё застыло. Ни воздуха, ни небосвода.
Шар земной на провисшей орбите застыл.
Остудил стеариновый разум народа
Мелкий бог Стаднииил.

Нету места мне тут — и тебе не найдётся.
Чтоб никто не влюблялся, не думал, не жил,
Он младенца скелет в пересохшем колодце
Обнажил.

18.06.78, 23.09.06

Нарисуй для меня скворца.
Я хотел бы жить со скворцом,
Отвернуться от подлеца,
Повернуться к скворцу лицом.

Отвратителен мне Творец,
Хоть и знаю, что нет его.
Предпочтителен мне скворец,
Несомненное существо.

Дотянуть хочу до конца
Без свинчатки и без свинца,
Повернуться к стене, уснуть,
И во сне увидеть скворца.

6.04.06

Ты умираешь, маленький человек.
Эта лачуга — твой последний ночлег:
Этот скворечник, этот карточный дом,
Нажитый долгим, полным надежд трудом,
Твой мальчишеский храм у разлива рек,
У полыни с её конькобежным льдом...

Кончена смена, ты отмотал своё.
Милая вечность будет тебе жильё.
Бедный старатель, ревностный дровосек,
Ты улыбаешься, отслужив свой век.

31.01.16

Мистраль ещё не стих, не стих... *Не стих.*
Нет горше этих слов твоих простых.
Чу! За углом уже стоит историк
Со штемпелем: путь одинокий горек —

Вот оттого-то и не стих мистраль...
Не сам ли я такую плёл мораль
Там, над Невой, о старости не зная,
Сладчайший путь мой только начиная? ...

12.08.16

Умер Саша Незлобин, мне говорят,
Но поверить я не могу.
Мы расстались с ним чуть не век назад —
Не всерьёз, шутя, на бегу.

Собирались Урании мы служить,
Да не мы пришлись ко двору.
Умер старый приятель. Нужно спешить,
Потому что и я умру.

Не щадить себя, не жалеть труда,
Отыграть у судьбы ферзя.
Или, может, не надо спешить. Туда,
Где он жив, опоздать нельзя.

Некрасив мальчишка был, большерот,
Даровит, лукав, незлобив.
Вот сейчас вприпрыжку он в класс войдёт,
Улыбнётся, про смерть забыв.

Нет, спешить не буду. Его найду,
Там, откуда смерть не видна:
На четвёртой парте в третьем ряду,
У обшарпанного окна.

Сверх того — студенчества круговерть
Нам дала хозяйка взаймы.
Что за вздор болтают! Какая смерть?
Всё досрочно сдавали мы.

А теперь вот смерть подружила нас,
Лишь приятельствовавших тут.
Он придёт ко мне в мой последний час,
Скажет: — Вася, не трусь! Там ждут.

6.07.06

Когда я умру, я буду разом повсюду:
В Шанхае, где Люшка Роцин по клавишам лупит,
В Станфорде, где Лора Сорока пасёт архивы, —
Везде, везде, где ни разу не был при жизни...
...На Марсе, где встречу Эйлера и Петрарку,
На дальних звёздах, какие Хабблу не снились, —
И снова буду счастлив, даже счастливей:
На Млечный путь моё счастье вечность помножит.

23.08.16

Мир огромен, а ты муравей,
Муравей местечковых кровей...

Говорит муравей муравью:
— Боги чествуют доблесть твою!
Смело духом окреп ты в борьбе, —
Маккавея все славят в тебе!
В необъятных просторах твоих
Тьмы и тьмы муравьёв, муравьих, —
Всем, как солнце, сияет твой лик.
Ты велик, непомерно велик.
Ты огромен, мой брат муравей,
Маккавей муравьиных кровей!

21.09.13, 31.06.16

Небесной тишины не нарушая,
Вращается галактика большая
В одиннадцати миллионах лет
Пути, которые проделал свет.
Спешит оттуда луч, родной, знакомый,
Такой же, как в галактике моей,
Реликтовую прелестью своей
Потешить катаракту с глаукомой.

Ни динозавра не увидеть мне,
Ни Ганнибала в Альпах на слоне.
Я Пушкина, я Данта не услышу,
Зато тебя, галактика, я вижу!
От счастья плача, рифмы бормоча,
К тебе отправлюсь в капсуле луча
В обратный путь и вскорости прибуду
С благою вестью: я домыл посуду.

26-30.12.11

СМЕРТЬ УМЕРЛА

(ИЗ ДИЛАНА ТОМАСА)

And death shall have no dominion.

Ты, смерть, потеряла над нами права!
Погибшие, все вы живёте
В молящемся под гефсиманской луной.
Земля поглотила ваш тяготный прах,
Но души ликуют в нездешних садах.
Поникшие, вас возвеличат.
Гонимые, вас обласкает покой,
Почившие, выйдете вы из пучин,
Любившие, ваша любовь воссияет —
И смерти вовек не узнать торжества.

Да, смерть лишена попечительских прав.
Страдавшие, вы не исчезли бесследно.
В мученьях, на дыбе и на колесе,
Поправ палачей, вы воспрянули все.
Впустую вас племя ублюдков терзало:
Пусть дрогнула вера — она не увяла.
Мечтавшие, вы вознесётесь победно
Над миром, конец обращая в начало,
А смерти удел — поражение в правах.

Ты, смерть, умерла, умерла навсегда!
Крик чаек угасшего слуха не тронет,
Страдальца, что пал, не разбудит прибой,
Цветку, что увял, не умыться росой,
Но павший увенчан — и вечностью взыскан,
И к сонму причислен, безумец святой.
Высокая сила сиять вам судила,
Покуда сияет дневное светило —
И смерти вовек не узнать торжества.

2.08.07

Бог даст... — Но он же и отберёт.
Хозяин-барин.
Все трюки ведомы наперёд.
Сюжет бездарен.

Христос, мы рады слышать, воскрес,
Но где ж на небе
Добудешь корку? Кто жив, тот ест,
А там — бесхлебье.

Не спит, всё скачет Илья-пророк,
Гремит по тверди,
Но чем же вечный его урок
Милее смерти?

8.12.06

В УМБРИИ

Нам в Умбрии чудесной прогулка не мила.
Где благостна природа, там тягостны дела!
Тебе, должно быть, спяну пригрезился покой.
Исполнены красóты жестокости людской.

В тот час, как ты беспечно

куда-нибудь спешишь,

Ты жизни непременно кого-нибудь лишишь.

Ты в неге пребываешь, а тут нога твоя

Наступит на улитку, раздавит муравья.

И вот овладевает душой твоей хандра.

Возможно ли не вспомнить,

что смерть — твоя сестра?

Ведь здесь, у стен Ассизи, святые в простоте,

Простейшие из тварей слышали о Христе!

21.06.99, 2017

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Откроем Шиллера: «...майор

Перескочил через забор...» —

Закроем Шиллера скорей,
Пока майор не у дверей.

2001

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Вот Риджентс-парк: пёс Мотья бежит —
Ушки крылышками, хвостик вымпелом.
Вот Канонс-парк: пёс Мотья бежит,
Вот Шенли-парк: пёс Мотья бежит,
По лужайке бежит, по дорожке бежит,
По листве бежит, — он мячик несёт.
Вот выпал снег: пёс Мотья бежит,
По тропинке бежит, по полянке бежит,
Где сугроб лежит, — он ко мне бежит,
Сам свеж, как заря, и не твякнет зря.
Мотья грустный пёс, он весёлый пёс,
Он быстро бежит, с пути не свернёт.
Тот счастлив был, кто его любил,
На руках носил и с руки кормил.

12.01.12

НА ЗАМУЖЕСТВО А. К.

Ещё вчера вполне без-*Paul*-ая,
От грусти ты смотрела в пол, —
Но кончилась пора тяжелая,
И вот он здесь, прекрасный Paul!

(Ко дню рожденья нашей драгоценной
Подарочек ей вышел *Paul*-но-ценный!)

Ещё вчера — обитель тесная,
Печаль и вздохи у окна,
А нынче — доля *Paul*-новесная,
И жизнь твоя *Paul*-ным-*Paul*-на.

(Так *Paul*-нота бедняжку украшает,
Что ей и *Paul*-оумье не мешает.)

2000

Помер бедный малый Робин Кук,
Кандидат парламентских наук.
Слыл сообразительным, речистым,
Громко цапался с премьер-министром,
Хлоп — и стоп-машина! Каково?
Не ищите Кука. Нет его.
Нет ни облачка на небе чистом.

Нет его в Вестминстерском дворце.
Секретарша вещи собирает.
Он теперь у Бога на крыльце,
В царстве, где никто не умирает.
Всемогущий слёзы отирает
На его скукоженном лице.

В партии смятение посеяв,
Кук с поста министра уходил:
Он войну в Ираке осудил!
Он в жене Отелло разбудил,
С секретаршею роман затеяв.
Не из самых крупных был злодеев:
Честный камышовый крокодил.

Или зря мы Кука обижаем?
Может, гением родился он,
Цезарь в нём дремал, Наполеон,
Сталин, всенародно обожаем?
Может, он — неистовый Роланд?
Может, мы неслыханный талант
Зарываем, небо искушаем,
Наше всё в могилу погружаем?
Сколько мог народу погубить!
Сколько славы для страны добыть!
Мог, да слёг. Теперь его забудут.
Мощи жалкие лежат в гробу тут.

Нет! И здесь бедняга преуспел:
В Скифии акын его воспел,
В мировую ввёл литературу
Кука роковую креатуру.
Счастлив ты, бессмертный Робин Кук,
Фаусту и Одиссею друг!

Нам-то, бедным, угрожает скука:
За границей нет конторы Кука,
Но молва кричит: Кукареку!
Громку славу Куку я реку.

19.08.05

И Кибеле, и Венере
Он угодливо служил,
В старом храме, в старой вере
Ветеран и старожил.

Он, охальник, куст терновый
Мял обутою ногой,
Не смущаясь вестью новой,
Спаса истиной благой.

И была ему расплата
За язычество его:
Лет пустынных анфилада,
Одинокое скопство.

7.05.83, 19.09.05

Они прослышали, что есть литература,
И ну себе строчить весёлою гурьбой.
Евтерпа луврская, не куксись, что с тобой!
Неужто на дитя смотреть мы станем хмуро?

12.01.07

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

ПРОИКОМИЧЕСКАЯ И ЛИРОЭПИЧЕСКАЯ ОРАТОРИЯ
В ЧЕТЫРЁХ СЕКВЕНЦИЯХ

1

Зал ожидания. Полуденный демон. Стрела.
Тень. Вопреки предвещаниям птиц. Постиженье.
Терпкое благо. Светает. Письмо в пустоту.
Путь. Для кого этот росчерк? Колодец.
Взгляд в темноту. Обращенье. Евклидова сеть.
Зимнее солнце. Созвездие рыб. Межсезонье.
Утренний снег. Тень на камне. Этюды, сонеты.
Антивенок. Далека в человечестве. Дни.
Эхо. Канва. Обстоятельства места. Цитатник.

Голос из хора. Рассказ. Переменчивый снег.
Клинопись. Сосредоточимся на несомненном.
Дом тишины. Имя снега. На том языке.
Поздние сумерки. Авторский лист. Взмах руки.
Войско. Пылающая купина. Полнозвучье.

2

Колючий свет. Свободный стих. Слепая
Вода. Анамнез. Монолог. Лицо.
Грунт. Птичий консул. Пятиборье чувств.
Ближневосточница. Случайный гость.
Лоза. Тень звука. Однодневный гость.
Ночная музыка. Гармония. Кристалл.
Шкатулка. Черновик отваги. Сочинитель
Звёзд. Сборник пьес для жизни соло. Узник.
Шестой этаж. Берёз весеннее вино.
Четыре четверти. Смоковница. Дневные
Сны. Первый дом — последний дом.
При свете жизни. Красная Москва.
Кентавромахия. Завет и тяжба. Голос.
Живая изгородь. Письмо. Приметы. Оси.
Второе слово. Городской пейзаж.
Вечерний свет. Разлук и встреч
печаль и радость.

Глаз вопиющего. Пока дышу — надеюсь.
Вечерней почтой. Небо соответствий.
Другая жизнь. Песочные часы.
Евразия. Осенняя соната.
Танцующий Давид. Погода на вчера.
Давайте помечтаем о бессмертье.
Летучая гряда. Холмы. Цикада.
К исходной точке. Линия прибоя.
Помимо слова. Тёплая земля.
Ров. Размышления в пустом кафе.

3

Сад над бездной. Таврический сад.
Третий снег. Черепки. Ветилуя.
Третий глаз. Сад. Потеря потери.
Катер связи. Немеркнувший сад.
Доказательство существования.
На окраине лета. Непрядва.
Дольше календаря. Перекличка.
Парафразис. Прямое родство.
Между Питером и Ленинградом.
Нарушенье симметрии. Триптих.
Остановка в пустыне. Балкон
Краски дня. Говорящий тюльпан.
Чаша. Праздник. Четвёртое время.

Далека в человечестве. Взгляд.
Караоке. Поющая дамба.
Горсть. Архаика. Скрытые реки.
Тьма дневная.

Снежная почта.

Запоздалые сообщения.

4

Зеркальная галерея.

Темнота зеркал.

Лоция ночи. Арка над водой.
Суровой нитью. Небесное зарево.
Западно-восточный ветер.
Время — полувремя — времена.
Общая тетрадь.

Послание к юноше.

Общая тетрадь.

Звёздный муравейник.

Послесловие.

Воспоминания о Евтерпе.

Послесловие.

Созерцание стеклянного шарика.

Конец прекрасной эпохи.

20.11.10

Бессмертную-то — что ж и не продать?!
Как тот пятак, она в себя вернётся,
А тутошнее склонно увядать:
Сегодня бьётся, завтра — разобьётся.

К её устам не поднесут стекла.
Застенчиво, но никогда не сыто
Глядит на преходящие дела
Алёнушка, она же — Карменсита.

Ей нравится на этом берегу,
На тот — она отправится без спросу.
Нет, лучше я *его* поберегу,
А либертинку отпущу к матросу.

22.01.07

Из лучистой материи всё сплетено —
Отчего же в чулане темно?
Где сияло, мерцало, томило, влекло,
Там тю-тю — и стоит помело.

Из лучистой энергии вышла фигня.
Милый друг, погляди на меня.
Разве не был я некогда светлым лучом?
Как я сделался старым хрычом?

7.03.07

Кондитерская слава воителю нужна.
Конфеты нам расскажут про день Бородина,
Про грохот канонады, про гордый плеск знамён —
Печенье гарибальди и торт наполеон.
Не битва при Маренго с Мюратом на холме —
Эклеры да меренги у Клии на уме.

15.12.1997, 2017

Разбит Наполеон — и сад разбит.
Перед дворцом возведена колонна.
Христолюбивый воин даровит.
На свой триумф он смотрит изумлённо,
С похмелья крестится — и дальше спит.

20.12.1994, 2017

Народ поумнеет, поймёт,
Опомнится. Он ведь Народ!
Недаром о нём говорят,
Что он — вдохновенья субстрат,
Родник нескудеющих вод...
Да жив ли он, этот народ?

12.12.83, 2005

У МУЗЕЯ

Времени изуверского
Зов живёт в ротозее.
Учимся, *делать смерть с кого,*
Мы у музы — в музее.
С крылышками! Любите её!
Тут вам не древняя гречка,
А муза кровопролития —
Молоху русскому свечка.

22.10.78, 23.09.05

Сердцá для чести живы,
А души — пусты, лживы.
Хлебни народной чести —
И ты невольник лести.

16.09.17

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА

Невскую Лавру, святые места,
Бес обезличил.
Нет над могилою деда креста.
Он большевичил.

Бес надоумит, а бог разрешит.
Место им впору.
Парочка, крепко набравшись, спешит
В Лавру, к собору.

Можно подумать, густая толпа
Тут обитает:
Именно к этой могиле тропа
Не зарастает.

Фёдор Иваныч останется глух,
Слова не скажет,
Если над ним оголтелый лопух
С милочкой ляжет.

Всяческой дед повидал суеты,
Можно ручаться.
Жалостна участь убогой четы —
Пусть причастятся.

Некогда в небе ловить журавля.
Время жестоко.
Пусть на минуту им пухом земля
Станет до срока.

Кладбища, точно, открыты для всех,
Этим и милы.
Нету перины для плотских утех
Мягче могилы.

1992, 2006

Я в молодости деятелен был,
Мне поприще страдательное мнилось, —
И вот я вижу: неподдельный пыл
Пошёл на удобрения и силос.

Французы возвеличили народ:
— Он божий перст, он родина, он глыба! —
А кто по-русски скажет, тот соврёт.
Гулаг ему сердечное спасибо.

Не плодоносит почва пустыря.
Тут не взойти ни лавру, ни капусте.
Не пустят совесть три богатыря
В доисторическое захолустье.

16.04.87, 2017

РИФМА

Помню улиц советских
Дикие имена.
Угол Маркса и Щорса —
— там ли рифма слышна?
На проспекте Смирнова —
Слова сладостный звук,
На проспекте Науки —
Лучшая из наук,
На Сантьяго-де-Кубе...
Нет, на Жака Дюкло —
— там ли, там ли нам стало
Неизбывно светло?
Там ли детские грёзы
Хлынули через край?
Энгельс, Вáсенко, Чкалов,
Окаянный Калинин,
Не молчи, отвечай!

В этот век изуверский
Нам поблажка дана
На углу Пионерской,
На углу Блохина...

Там, где Мужества площадь,
Ты мужайся, крепись
И на Непокорённых
На девятку садись.

— Верность? — дряхлый троллейбус
По Гражданке спешит.
— Стойкость? — скрежет колёсный
Мой вопрос заглушит.
На Дыбенко, на Гаврской
— что за варварский вой! —
Там ли голубь ковчега?
Там ли нежное эхо?
Там ли отзвук живой?

Рифма — таинство, чудо,
Гимн, венчающий стих,
В райский сад ниоткуда
Возносящий двоих.

3.11.2016

В коротком списке — Пушкин, Гёте, Дант,
Шекспир, Мицкевич... Кто увенчан будет?
С Камознсом на лавочке сидят.
Надулись, друг на дружку не глядят.
Сейчас войдёт палач — и всех рассудит.

9.08.05

Как хороша его строка!
Она течёт легко и звонко,
Что твой ручей... Видна рука
Благополучного подонка.

Вот он над стаей голубей
О смысле жизни размышляет,
Вот он с подружкой своей
У кромки невских вод гуляет.

Вот он о чести говорит:
Юнцы, тяжёлые винтовки,
Долг, родина... Душа парит,
Коленца веселы и ловки.

Поэт, прозаик, юморист
И драматург, когда б вам мало, —
Его рукой помечен лист
Мелкопошибного журнала.

Он не перечит никому,
Он всем по вкусу, всем угоден.
Он в моду входит — где ж ему!
Какой пошляк теперь не моден?

Друзья и женщины несут
Слезу, романы с продолженьем —
К нему, на соломонов суд,
На исповедь, за отпущеньем.

Не сокрушайся, не гадай,
Не потешайся над ошибкой.

Столетью нужен негодяй
С его расслабленной улыбкой.

28.04.73, 2017

Тем начат век серебряный, а этим —
Век бронзовый. Есть *бр!* и тут, и там.
А мы оставим погремушки детям.
Нам эти шалости не по летам.
Резвитесь, милые, в литературных
Трагических личинах, на котурнах!
А мы подмосткам предпочтём суму.
Нам серебро и бронза — ни к чему.

1984, 7.05.05

Эхо горестной пропажи —
Вот его стихотворенья:

Эти жидкие пейзажи,
Эти редкие прозренья.

То лирическая вялость,
То славянское кадило.
Было — да не состоялось:
Видно, сердца не хватило.

Спи, архангел однобокий,
Однокрыл благоговейный,
Ямб кликушески-убогий,
Истерически-елейный.

23.10.1995, 2017

ЭПИТАФИЯ

Литературный подёнщик, писавший стихи,
Много воинственной нагородил чепухи.
Был он, к тому же, отчасти Иуда и Брут.
Вдоволь потешатся люди. Но тоже помрут.

7.03.05

Я в рифму говорил. Занятная напасть!
Отчасти страсть она, отчасти власть
Конкистадора и головореза,
Отчасти слабость, мука и аскеза.
Но лестно повторить: высокая болезнь,
И рифма там не спесь, как чудится, а песнь...

Родился я и жил средь мёртвого народа,
И он мертвел, дичал всё больше год от года,
И средь него я дом построил на песке:
Я в рифму говорил на мёртвом языке.

18.09.08

Мои стихи меня переживут.
Гордиться нечем, но душе отрадно,
Что жизнь моя, растаяв безвозвратно,
В сей малости ещё пребудет тут.

Не стыдно мне, что ими дорожу,
Что научился силы экономить,
Что я за их опрятностью слежу,
Что слог мой ясен и костей не ломит.

Трагичность мне, по совести, чужда.
Я о высокой не вздыхаю доле.
Люблю мой стих, текущий без труда,
Грущу, когда он мрачен поневоле.

Былинка полевая хочет жить,
Чтоб долг осуществить всего земного:
За смерть продолжиться, себя продлить
Нуклеотидной тайнописью слова.

5.02.83, 31.12.13

К ЕВРИДИКЕ

Ты, милая, вела меня во тьме,
Улыбкою чудовищ отстраняла,
На ссадинах бинты переменяла —
И вывела: во плоти и в уме.

Молва переиначила сюжет —
Бог помощь! Нам видней, что с нами было.
Я тем и жив, что ты меня любила,
А без тебя меня на свете нет.

22.05.94, 2017

У ТРАПА

Совершается судьба.
Разверзаются гроба.
Ноги подгибаются.
Небо улыбается.

7.04.84, 2017

МЛЕЧНОЕ

(1958–1970)

ВРЕМЯ, НАЗАД!

...Можно так начать: «Эрцгерцог вернулся к себе домой». Или так: «Старик впадает в детство... на шпильки изводя фамильное наследство...»; или так: дракон кусает себя за хвост. Можно — чем не эпиграф? — и слова Гёте вспомнить, которые он выдаёт за немецкую поговорку: «О чём мечтаешь в юности, то с лихвой получаешь в старости».

В 1971 году начитанная Регина Серебряная, библиотекарь, сказала (в связи с моим стихотворением, где я одноклассницу называю Лигейей): «Вот человек, ошарашенный литературой». В этом была правда, но не вся правда. Точнее было бы сказать: человек, поработанный грозной прелестью стиха и, одновременно, в тесной связи со стихом, потрясённый мыслью о неизбежности смерти.

С шести лет стихи были моей жизнью, моим щитом от смерти. По наполнению они всегда оставались богоискательством без мысли о боге, по форме — долго, слишком долго, — метаниями из стороны в сторону и детским лепетом. Взрослеть не удавалось и *не хотелось*.

Пришла пора избавиться от этого яра: от вороха детских рифм. На подвиг Иннокентия Анненского — выбросить всё разом — мне не хватает мужества; получится, что я и не жил. Да и как выбросишь то, что помнишь наизусть? В надежде облегчить мою память и совесть прибегаю к испытанному средству: к публичному покаянию. Каюсь, не отрекаясь. «Строк печальных не смываю...» Выстраиваю стихи, систематизирую их, отсекаю бахрому...

Каюсь, не отрекаясь: *молокососом*, пусть и *звёздным*, я остаюсь в этом млечном мире до двадцати четырёх лет, когда

уже и диплом с отличием получил после окончания одного порядочного факультета, и первые учёные статьи напечатал. Я не стыдился этого тогда (прямо писал о себе в 1970 году: «брошенный взрослыми»), не стыжусь и теперь. В этом курьёзе не только моя человеческая слабость видна, в нём — печать места и времени, отмеченных мёртвым штилем. Ленинград 1960-х и, особенно, 1970-х, был склепом заживо погребённых.

С усилием отстраняю искушение назвать эту книгу *Беатриче с Петроградской*. Беатриче (носившая в быту другое, очень простое имя), моя ровесница и одноклассница, но не подруга, моё измышление, создание горделивых младенческих грёз, — зримо присутствует здесь, проходит через всю дневниковую анфиладу зыбких и ломких стихотворений и даже не умирает в этих шкатулках моей памяти: продолжает жить в моих последующих стихах. Мечта об одной любви от рожденья до смерти увлекла меня восьмилетним ребёнком.

Но это была именно детская мечта, литературная выдумка, навеянная Флорентийцем и в тринадцать лет подхлётнутая Русским Символистом. Сколь ни важна была эта мечта, не всё для меня сводилось к ней. Лирических героинь тут несколько, подчас (как это у всех бывает) они накладываются, сливаются, соперничают... и одна из них, против моего детского ожидания, переросла рамки ребяческой литературной игры, стала судьбой... Мечтал я вообще о разном, не только о счастливой любви; даже и гражданственные стихи пытался писать... и патристические, притом от чистого сердца.

Границы всех трёх вошедших сюда книг размыты; темы пересекаются (особенно потому, что я часто спустя годы возвращался к начатому и незавершённому... да-да, к *inachevé*, по известной шутке).

Окончательная редакция стихотворений свелась к сокращениям, где иногда приходилось резать по живому, к отбору вариантов, сохранённых бумагой и памятью, и к вставкам того, что вернула память и чего я прежде стыдился, а теперь не стыжусь. Несколько стихотворных строк были мною брошены в юности в полном сознании того, что они нуждаются в исправлении и будут мною поправлены, когда повзрелею. Эти поправки оставляют в неприкосновенности главное: ритм, звук и моё тогдашнее мироощущение, в которое я теперешний всё ещё могу погрузиться.

Скрепя сердце, отсеиваю все бесформенные наброски, державшиеся ещё не *звукосмыслом*, а только звуком родного языка, моей путеводной звездой, долго заслонявшей семантику и композицию. Некоторые опыты, самые наивные, я давно выбросил... о чём по временам жалею; их не вернёшь. Нет здесь вовсе стихов дошкольного периода, их я начал стыдиться ещё школьником. Кое-что выбрасываю сейчас, а кое-что выбросить не хочу, несмотря на всю очевидную беспомощность написанного.

На вопрос: *зачем всё это?* отвечаю так: я переживаю заново *мою жизнь*, это моё внутреннее дело, главное итоговое дело моей жизни. При этом я ни от кого не ищу прямого сочувствия. Но так уж человек устроен, что, при всём его прощальном равнодушии к отклику, в конце жизни совершенно искреннем, это своё дело, главное и в сущности своей сокровенное, он — природный клубок противоречий — всё-таки не может и не хочет осуществлять в полном одиночестве... (*Приоткрыть сокровенное*: не в этом ли ключевом противоречии — самая суть лирической поэзии?)

...А что стихи, говоря осторожно, не сплошь замечательны,

так «я не обещал вам нарисовать портрет великого человека». В 1960-е рифмовать *глаза–динозавр* считалось шиком. Стихи выражают меня, а я выражаю выпавшее мне время. Это во-первых. Во-вторых и в-главных, стихи эти продиктованы подлинным вдохновением — и мне дороги.

Ю. К.

27.12.17,
Боремвуд,
Хартфордшир

КНИГА ПЕРВАЯ

ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ

(1958 – 1964)

ИОНИЙЦЫ

(фрагмент)

...Милет восстал. Народ упорный
Поднялся мстить за кровь отцов,
Поднялся город непокорный,
Восстали массы храбрецов,
Восстали — защищать свой кров.
Свободный дух расправил плечи,
Свобода рв́алась из оков
И ли́лись пламенные речи.

Отвагой братьев вдохновленный,
Воспрянул Аттики народ.
Афины, город непреклонный,
Поддержку ионянам шлёт.
Когда земля у стен Милета
Была вечерней мглой одета
И у подножья здешних гор
Раскинул Дарий свой шатёр,
Напутствуемы ветром веры,

Уже входили в порт триеры,
Преодолев морской простор... (...)

1958, 1960

МОРЕ

Ясное утро. И море спокойное
Катит лениво волну безмятежную.
Ласковы моря просторы безбрежные,
Ласково неба дыханье нестройное.

Но не обманет нас море коварное!
В недрах его скрыта сила могучая —
Волны поднимутся... Пена кипучая
Солнце закроет собой лучезарное.

Тучи по небу поднимутся чёрные,
Вихрь ураганный завоет неистово,
И забушуют у берега скалистого
В танце безудержном волны упорные...

...Гладь голубая, глубины прозрачные
Тайны хранят, никому не известные.
Ими наполнено море чудесное,
Их повидали утёсы невзрачные.

Тайны навеки останутся тайною,
Море о них никому не поведает...

...Мирно волна с берегами беседует,
Солнце восходит над гладью бескрайною...

1958, 1960

ПОДРАЖАНИЕ ГЮГО

Смотри: от века не бывало
Здесь страшного такого шквала —
 То гнев богов!
Пучина буйствует, ярится,
И есть чем вору поживиться
 У берегов.

От века споря с океаном,
За рифом риф встаёт титаном
 Из мглы ночной,
Стеной отвесной встали скалы,
Пред ними все бессильны швалы —
 Сей швал иной!

Смотри: в бою стихий упорном
Взмыл чёрный парус с флагом чёрным —
 Ужасный знак!
Голландец-призрак — вестник ада!
Его штурвальным смерч — отрада,
 А ночь — маяк...

1958, 1960

С АНГЛИЙСКОГО

Сияй надо мной, голубая звезда!
Понять, что ты значишь, хотел я всегда.
Загадка и тайна, ты радуешь глаз
И душу волнуешь, небесный алмаз.

Когда потемнеют кругом небеса,
Когда на траву оседает роса,
На землю ты шлѐшь голубые лучи
И в небо зовѐшь в непроглядной ночи.

1959

Весны могучее дыханье
Всѐ ощутимей с каждым днѐм.
Весна! Природы ликование,
Сиянье в небе голубом.

Настал апрель. Теперь повсюду
Бегут весѐлые ручьи...
Их светлых струй я не забуду,
Как очи тѐмные твои...

1959

ГОЛУБОЕ НОЧНОЕ СВЕТИЛО

Опустилась на город усталый
Тёмной ночи лиловая мгла,
И на небе полоскою алой
Свет вечерний заря разлила.
Знал я сердцем: с лучами заката
Счастья луч угасает златой,
И душа была мраком объята
И пуста, словно город ночной.

Брёл туда я, где, полон тоскою,
Купол неба полоской цветной
Наклонялся над грешной землёю,
Над землёю, окутанной мглой.
Брёл я вдаль, словно тень, одиноко,
Ветер листья деревьев ласкал,
А на бархатном небе востока
Свет взошедшей звезды заиграл.

Голубое ночное светило
Не струило полуденный зной,
Но меня безраздельно пленило
И, казалось, звало за собой.
И забыл я в тот час, что за мною
Спал мой город в таинственной мгле,
И забыл я в тот час всё земное,
Всё, что мог я забыть на земле.

И пошёл я туда, где сверкала,
Восходя, голубая звезда.
И печаль ко мне в душу запала —
И осталась в душе навсегда... (...)

14.04.60

СКИТАЛЕЦ

(фрагмент)

В просторах Азии бескрайной,
Где горы голубые спят,
Среди лесов, объятых тайной,
Когда-то, сотни лет назад,
Селенье бедное ютилось
И речка быстрая струилась,
Пенясь средь каменных преград. (...)

(герой приходит издалека; он и
героиня любят друг друга;
но Рок неумолим...)

...Река брала своё начало
В пустынном озере, в горах,
Где солнце алое вставало,
Купаясь в белых облаках.
Вот озеро. Оно долины
Чудесных лишено красот.
Лишь горы снежные вершины

Вздывают ввысь над гладью вод.
Здесь строгой осени дыханье
На всём запечатлело след,
И для последнего свиданья
На свете лучше места нет. (...)

(они прощаются; гонимый Роком,
герой уходит)

...Там лес стоял стеной зелёной,
Там вновь, как прежде, как всегда,
Шли месяцы, текли года
Из чаши времени бездонной.

1960

Меркнут закатные дали,
Тихая ночь подошла,
Тени вечерние пали,
Небо окутала мгла,

Сырость подкралась ночная,
Звезды зажглись в вышине...
Только цветы, засыпая,
Тихо вздыхают во сне.

1960

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

Свет луны, слепой, бесстрастный,
 Душу леденит,
Город спит во мгле ненастной,
 Город тихо спит.

Небо звёздами одето —
 Под покровом тьмы,
Помню, здесь лучей рассвета
 Вместе ждали мы.

Помню: в небе золотилась
 Яркая звезда.
Помню, как она затмилась.
 Помню навсегда.

Я один, и надо мною
 Та звезда опять.
Сердце сломлено тоскою.
 Мне ли не страдать?

Я тебя не обвиняю —
 И кого винить?
Я живу — и я мечтаю
 Этот мир забыть...

Неизбывная тревога
Мучает меня.
Знаю я: мой путь — *Дорога*
Звёздного огня.

29.07.60

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

ПОЭМА

Этот вечер я буду помнить
всю жизнь... Всю жизнь!..

Гюго

*Последний день
приговорённого к смерти*

ИЗДАЛЕКА

*То, что ветры весенние
Мне шептали, звеня;
То, чем юных стремление
Наградило меня;*

*То, чем сердце обязано
Безысходной борьбе;
То, что болью подсказано, —
Посвящаю Тебе,*

*Аонида жестокая
Давних сумрачных лет...
Бесконечно далёкая,
Как туманный рассвет.*

В темнице мрачной и холодной,
Покинутый своей судьбой,
Я вновь живу мечтой бесплодной,
Давно померкнувшей мечтой.
Как долго тянутся мгновенья
В унылой, страшной тишине!
Передо мною, как во сне,
Встают минувших лет виденья,
Терзает душу сожаленье
О счастье, изменившем мне...
Я знаю: с завтрашним восходом
Мой час настанет роковой,
И я прошусь с тюремным сводом,
Чтоб самой страшною ценой
Навеки обрести покой.

Смотрю сквозь узкое оконце
На пламенеющий закат.
Над городом садится солнце,
Как много-много лет назад...
Я рад знакомому закату,
Его привычной скорби рад;
Лучи его в душе скользят,

Чтоб возместить мою утрату,
Напомнив мне иной закат...

О юность, радости цветенье!
Мечтаний трепетных пора!
В душе не ведает забвенья
Моё счастливое вчера —
И в парке милое виденье
Под сенью звёздного шатра...

...Уж веет свежая прохлада
Над миром, дремлющим во мгле,
И ощутим под сенью сада
Покой, ниспосланный земле.
Ещё светло, светло, как утром,
Но месяц бледный в пруд глядит
И тихо воду серебрит,
Мерцая чистым перламутром, —
Мир только дремлет, но не спит.

Уж солнце, вдаль склонясь устало,
Мерцало бронзовым огнём,
Косыми бликами играло
В саду старинном и пустом,
Где всё весной любви дышало,
Где сердце тихо замирало
В тот вечер, что казался сном,
И где в аллеях — мы вдвоём...

Она... Вчера шалун игривый,
Дитя, резвушка и юла, —
Вдруг орхидеей горделивой
Моя кузина расцвела.
Вчера младенческого друга
Я мог ласкать или дразнить,
Сегодня — странного испуга
И дрожи не умею скрыть...
Мы шли, деревья к нам склонялись
Июньской нежною листвою,
И, верно, тихо улыбались
Под кроною своей густой.

Вечерний час. Быть может, это
Располагает к тишине,
Как все, подвластное луне
До первых проблесков рассвета.
Ведём мы тихий разговор
В полубеспамятстве смущённом.
О чём?... Я помню только взор,
Манивший будущим бездонным,
Мне жизнью ставший с этих пор...
Я на неё гляжу украдкой
И глаз не в силах оторвать.
Она казалась мне загадкой,
Что я не властен разгадать.

...Я вновь живу воспоминаньем —
И в сердце нету пустоты,
На смену страху и страданиям

Явились милые черты
Беспечной юной красоты.

Она ещё не знает власти
Своих зеленоватых глаз,
В них больше радости, чем страсти,
Непринуждённости и счастья,
И доброты не напоказ.
Они наивны и пытливы,
Пугливы и смелы подчас,
А жесты — так неприхотливы...
А смех ребячески-счастливый...
Всё это словом не обнять,
Не совместить, не передать.

Нам улыбаясь, вечер ясный
На землю сходит тихим сном,
Объемля чутким забытьём
И сад, старинный и прекрасный,
И город тихий, — всё кругом.

И вдруг, с мальчишеским задором,
Очнувшись будто ото сна,
Мне звонко крикнула она
(и эхо повторило хором):
— Бежим! —

Сгустился сумрак мгlistый,
Хоть месяц плавал в вышине,
Как смех тот, нежно-серебристый,

Но не до смеха было мне.
Догнав её в конце аллеи,
Где путь белил ночной туман,
Как покрывало доброй феи, —
Я робко обнял гибкий стан...

Закат померк, и купол звёздный
Сверкнул мирьядами светил,
Холодной, безучастной бездной
Над нами в сумраке застыл.
И в нём — величие Вселенной
И тщетный зов далёких звёзд,
Куда Земля в борьбе бессменной
Бессильна перекинуть мост...

Луна бросает свет неярко
На дуб и на скамью под ним,
Где мы сидим в аллее парка,
Не видя звёзд, не веря им...

Вот так и для меня настала
Пора любить, пора мечтать...
Сама Любовь о нас мечтала
И нас в ту ночь оберегала,
Чтоб тихим грёзам не мешать,
Чтоб звуков мира не звучало,
Чтоб в этот час нам мир забыть,
Чтоб вечно верить и любить...

Уж блики солнца не играют
На стенах камеры моей,
И тихий вечер уступает
Свой трон безмолвию ночей.
Закат померк. Лишь отблеск красный
Ещё не поглотила мгла;
Луна взирает безучастно,
Вдали слышны колокола...

...И — жизнь прошла!...
Влекомый страстью,
Я не считал свои года;
Я проложил свой путь к несчастью.
Но кто мог знать?.. Пришла беда.
А жизнь зовёт меня и манит,
И ощущая этот зов,
Рассудком знаю: солнце встанет,
И день придёт, и с ним нагрянет
Мой час последний...

Я готов!

1960, август

Пусть не будет надежд безнадежных,
Пусть не будет мечтаний пустых.
У Фортуны в руках осторожных
Вижу нож в перламутровых ножнах.
Ждёт в безмолвии жертв он своих.
Пусть не будет надежд безнадежных!

Горе тем, кто Судьбой обречён
И не видит жестокой затеи...
Но к Судьбе не пойдёшь на поклон.
Не заметит раба фараон,
Не бывает сердец холоднее...
Я из тех, кто Судьбой обречён...

1960-1961

Ловлю заката сумрак алый
Над синим трепетом реки —
Там сердце где-то услышало
Мотив мечтательной тоски...
Пустеют улицы и скверы,
Тускнеют яркие огни,

Ползёт туман, сырой и серый,
И тонет в траурной тени...

Вечерний город! Необъятна
Твоя ласкающая мгла,
Где гаснет день в крови закатной,
Где ночь безмолвна и светла,
Где тени мечутся устало,
Заслыша гулкие шаги,
Где ночь безмолвием сковала
На сером камне пьедестала
Копыто бронзовой ноги.

1961

Из-за туч появилась луна,
Как январская ночь, холодна.
Словно страж равнодушного сна,
Покатилась по крышам домов.

Мы по улицам сумрачным шли.
Только звёзды звенели и жгли,
Только волны стенали вдали,
Словно звук недосказанных слов.

Друг единственный преданный мой,
Пёс послушно плетётся за мной.
Мы под млечною сенью ночной
Исходили немало дорог.

Увлечён безысходной мечтой,
Обречён я ночью порой,
Уходить в этот город пустой
Незнакомых страстей и тревог.

Друг лохматый! Влекумы Судьбой,
Каждый вечер над тихой рекой
Этот дом мы находим с тобой,
Утонувший в тумане седом.

Мы садимся у спуска к реке
На ступени в холодной тоске.
Чьи-то тени скользят вдалеке,
В неразгаданном мраке ночном...

Всюду тихо, уныло, темно,
Словно ночь и тоска — заодно.
Синим светом мерцает окно,
И не в силах я глаз оторвать.

Пёс тихонько прижмётся ко мне.
Шерсть слезалась на тощей спине.
Неподвластны холодной луне,
Мы умеем любить и страдать.

Этой ночью, не ведая сна,
Ты, быть может, стоишь у окна,
И, быть может, стоишь не одна,
Глядя вниз на Неву сквозь туман.

И, взглядевшись в ненастную тьму,
Ты, не думая, скажешь ему:
— Чья там тень? Я никак не пойму...
Человек? Он, наверное, пьян... —

Только чаще не видим мы свет.
Дом таинственным мраком одет,
И возврата ушедшему нет,
И не видно предела пути.

Пёс покорно плетётся за мной —
Друг единственный преданный мой,
Обречённый ночью порой
Наше общее бремя нести...

— — —

.....
.....

Всё заметней проходят года.
Время нас разлучит навсегда.
Мы умрём, не оставив следа,
Не сказав недосказанных слов. —

Через тысячи лет, холодна,
Вновь над миром повиснет луна.
Словно страж равнодушного сна,
Поплывёт по карнизам домов.

7-12.04.61

В бархатном небе Востока
Тихо вздыхает луна,
Смотрит на волны потока,
В город глядит одиноко,
Полный волшебного сна.

Струи фонтанов напевно
Падают с мраморных плит.
Выйдя из храма, царица
В царский чертог не спешит.

Грустью томимая странной,
Тихо блуждает в тоске,
Слушает всплески фонтана,
К лунной выходит реке...

Что её сердцем владело? —
Волей пророческих снов

Взгляд она бросить посмела
В сумрак грядущих веков! —

Видит: над той же рекою
Та же восходит луна;
Тот же и храм под луною,
Что посещала она...

Склеп перед нею забытый.
Ужас царевну объял! —
Кто-то на тверди гранита
Имя её начертал...

А над рекою туманной,
Сгусток волшебного сна,
Грустью томимая странной
Девушка бродит, бледна.

22.03.61

На крутом берегу, над притихшей рекой
Лес дремучий в туман погружён голубой.
И деревья склонились к зеркальной воде,
И прозрачные тени ложатся везде,

И в предутреннем небе скользят облака,
И о камни со звоном дробится река.

А под сенью листвы, недоступен весне,
Бог гранитный таится в пожизненном сне.
Изваянье давно пролетевших веков,
Над водой он застыл, молчалив и суров,
И на волны слепые глаза устремил,
Словно ищет в реке отражений светил.

И в народе преданье сложили о нем,
Будто ночью, под тихой холодной луной,
Эти очи зелёным мерцают огнём,
Разрезая таинственный сумрак ночной.
И под взором тех глаз закипает вода,
И минувшее вновь воскресает тогда.

И по лесу забытые тени скользят,
И река по-иному играет волной,
И деревья в лесу по-иному шумят...
Только идол стоит недвижимой скалой.
И, как прежде, склоняют колени пред ним,
И к луне поднимается жертвенный дым.

И возносится к небу протяжный напев,
Заунывный, тоскливый, бесцельный призыв,
И сквозь серую мглу над рекой пролетев,
Проникает к вам в душу суровый мотив.
В нём звучит неуверенность в завтрашнем дне
И животная горечь бесплодной борьбы —

И возносится песня к холодной луне,
Безучастной к слепым поворотам Судьбы...

1961, март

СФИНКС

Ты над чёрною водою
В ожидании застыл —
Под холодную луною,
В блеске сумрачных светил.

Город строен и спокоен.
Снег, слепых туманов синь...
Сфинкс! Ты знал, как воздух зноен
Средь египетских пустынь!

Равнодушие прохожих
Равнодушноносишь ты —
Только тень ложится строже
На суровые черты...

Ты в неволе здесь, бессменный
Страж неведомой земли.
Ты один во всей Вселенной!
Ты от родины вдали!

Помнишь ты поток священный,
Неоглядные пески,
Помнишь мраморные стены
Белых храмов у реки.

Здесь же — ветер неугомонный
Снег неласковый несёт
Или юноша влюблённый
Серой тенью промелькнёт,

Иль пройдёт мечтатель пьяный,
Пряча нос в воротнике,
И холодные туманы
Всколыхнутся на реке...

Что ж ты медлишь? — Или мало
Жизнь глумилась над тобой?
Так шагни же с пьедестала
Под покровом тьмы ночной!

Город тихий, город сонный
Не проснётся, не вздохнёт —
Лишь ростральные колонны
Лунный ужас обовьёт...

28.03.61, 5.04.61

Вечер лапой мглы стирает
С небосклона кровь зари,
И над миром звёзды тают,
Как ночные фонари;

И скользят повсюду тени,
Убегая от луны;
И по холоду ступеней
В каждый дом крадутся сны...

Город тихий, город сонный
Не проснётся, не вздохнёт,
Не услышит ветра стоны,
Чары ночи не прочтёт...

Звёзды шлют золотые стрелы
Сквозь туман в обитель сна,
В город льёт свой холод белый
Равнодушная луна.

3.09.61

ФЛОРЕАЛЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА

Меня однажды странный сон
Увлёк в поток времён.
Я слышал шорохи знамён,
Оружья грозный звон.

Как бесконечные огни
На улицах ночных,
Прошли передо мною дни
Борьбы страстей глухих.

Я видел солнечный восход
Над мутною рекой,
Я видел пламенный народ,
Что жил своей борьбой.

Я видел воинов босых —
Паломников мечты,
Я видел в сумерках ночных
Над Сеною мосты.

Я слышал яростный набат,
Клич бедствий и невзгод...
С трибуны бледный адвокат
Глядел на век вперёд.

Он проложил стезю побед
Поверженной стране,

Но перед ней держать ответ
Обязан он вдвойне.

В камерке ночи напролёт
Мерцает свет в окне...
Уж видит он свой грозный год
И Францию в огне...

1961

VITA NUOVA

Алые зори июня,
Вы ли напрасно грустили?
Я ли стою накануне
Новой, неведомой были?

1961

ЛУННАЯ ТРОПА

Под луной безучастною,
Где я брёл, одинок,
Нас рукою бесстрастною
Свёл изменчивый Рок.

С болью струны сердечные
Зазвучали опять:
Сердце грёзы извечные
Уж не в силах вмещать...

...Но виденье далёкое
Ты изгнать не вольна:
Та тропа одинокая
И слепая луна...

12.01.61

*— Планете, заревом объятый,
Скажи последнее прости,
Забудь рассветы и закаты
За гранью Млечного пути! —*

Послушный тайному призыву,
Я в путь готов, но холодна
И равнодушно молчалива
Моя владычица луна.

И только Ты — в тумане звёздном,
Постигнув тайные мечты, —

Ты сходишь в город, поздно-поздно,
На эти чёрные мосты,

На эти гаснущие дали,
В нерастворившуюся мглу,
Где мы прощались и встречали,
Прильнув к оконному стеклу...

Твои черты неуловимы,
Тобою полон каждый час,
Меня влечёт куда-то мимо
Немая сила звёздных глаз.

На фоне бледного заката
Мне пламя взгляда не снести —
И Ты влечёшь меня куда-то
По ленте Млечного пути...

1962

НАД ЖДАНОВКОЙ

Логика снов моих
Проще надежд моих,
Проще речной
Волны,

Проще иной
Весны.
Это — тебе одной,
Только тебе одной.

— — —

Годы меняют нас.
Все мы грустим подчас,
Видя в знакомых глазах
Новую боль
И страх...
И только тебя одну
Сквозь пустоту минут
Вспомню — в который раз! —
Вспомню всегда такой,
Словно ещё вчера
Виделись мы с тобой.

Вечер.

И звон.

И снег.

Вечером
Холодно мне,
Зябко бродить и ждать,
Ждать этих глаз всегда...
Улицы.

Снег.

Туман.

В инее все дома.

Тоже чего-то идут
В эту январскую жуть.
Знаю: домой пора.
То же
Было вчера,
То же — будет опять...
Выпал мне жребий
— ждать...
Я обречён — всегда —
Я осуждён — ловить
В синих кристаллах льда
Отсвет
Моей любви.

— — —

Молча бреду на мост.
Мост до костей промёрз.
Нетронутый снег
Пушист.
Нету следов машин...
Крыши укутал снег,
Лёг на дворах пустых, —
Снег,
Нездешний, как смех
Глаз нездешних твоих...

— — —

Я верю в магию снов,
Я чувствую всей душой,

Я знаю: *здесь* суждено
Встретиться мне с тобой!

Слушай рассказ мой, ночь.
Ты у меня одна.
Слушай... — хоть мне помочь
Даже ты
Не вольна...
Это случилось так:
Я услышал во мгле
Чуть различимый шаг,
Я услышал во мгле
Лёгкую поступь ног,
Тех, что на всей Земле
Бог
Повторить не смог!

Я небо могу поднять —
Пусть рухнет на плечи мне!
Город
могу
поднять
Я на своей спине,
Могу я весь невольский лёд
Дыханьем своим растопить
И, может быть, другу ещё
Измену смогу простить, —
Только вот глаз поднять,
Глаз от земли поднять

В этот бездонный миг —
Нету

сил у меня!

В этот звенящий миг
Слов — для тебя — найти
Я не смогу, — пойми,
Я не смогу, — прости...

— — —

Мост.

Тишина.

И снег.

Мороз не даёт бледнеть.

Близко до дрожи я

Вижу лицо твоё.

Жарко зимой стоять

Так, на мосту, вдвоём.

Тихо.

И ночь молчит,

Гулко колокол бьёт —

Это сердце стучит,

Сердце стучит моё...

1962

СОН

В этом мире, я знаю, нет
Предначертанных Роком дат —
Ты приснилась сегодня мне,
Неожиданно,
Как всегда.

Помню:
Вьюжный и мгlistый день,
И нет ни души кругом,
И я — неизвестно где —
Настигнут Моим Врагом.
Был жестоким неравный бой,
Я упал — головой об лёд.
В этот город, совсем чужой,
Опрокинулся

небосвод.

И в глазах —
жёлтый туман,
И свинцовых век не поднять.
Ты победила, Зима,
В единоборстве
Меня...

И в этот последний час,
Бледна, как звенящий снег,
Печалью огромных глаз
Ты наклонилась ко мне.

1962, сентябрь

ПРЕЛЮДИЯ

Метель ломилась и стенала
В квадрат стекла,
А ты, усталая, мечтала,
Далёкая, ждала.

Ложились ломаные тени
Лицом к луне,
Луна спускалась на колени
По стёклам на окне,

Луна лилась, луна играла,
Метель сдалась.
Метель, наверное, не знала,
Что ты ждала.

1962-1963

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Небо рушится в город кристаллами льда,
Под ногою, промёрзший, звенит тротуар,
И сверкает застывшая в окнах вода,
Этот праздничный дар. В синем пламени фар
Здесь машины скользят неизвестно куда,
И проспект поглощает их призрачный свет... —

Ожиданием полня холодную даль,
Небо сходит на землю в своём торжестве!

Бьют на башне часы. За ударом удар —
Будто чьи-то шаги в неземной тишине...
Этот вечер, исполненный сказочных чар,
Этот город в игре карнавальных огней,
Этот праздничный мир — он и молод, и стар,
И могуч, как звенящий над нами металл.
Торжествуяще яркое над каждым из нас,
Безначален, как бездна опаловых глаз,
И стозвонен, и хрупок, как горный хрусталь
И мятежен, и тих, как закатная даль!..

1961-1962

АМНЕРИС

Грустью томимая странной,
Бродишь ты в парке одна... —
Сизые клочья тумана,
Пруд, и дворец, и луна...

Струи фонтанов напевно
Падают с мраморных плит.
Тихо и грустно царевна
В звёздное небо глядит.

Мы не увидимся снова!
Небо пылает. Смотри —
Гаснут виденья былого
С этой полоской зари.

Что твоим сердцем владело?
Волей пророческих снов
Взгляд ли ты бросить посмела
В сумрак грядущих веков?

В небе таинственно тает
Лилия жёлтой луны,
Фивы, под ней расцветая,
Видят волшебные сны;

Гаснут на бронзовой двери
Искры ушедшего дня...
Боги, пошлите Амнерис
Светлую веру — в меня!

1962, 1970

ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ

Бег космических дней
нагнетает пространства во мне,
город дразнит во сне
ожиданьем никчёмных побед...
Я устал от мечты,
безупречной, как утренний снег,
я устал от себя —
этот мир посвящаю тебе, —
этот миг! —
этот день! —
эту жизнь! —
посвящаю тебе.

1963, декабрь

1

Мне снятся тревожные сны:
мелькают знакомые лица,
встают из пустой глубины
родные уста и зеницы.

Глаза непомерно близки,
в них дремлет космический гул...
Мне страшно... Мир не был таким!
Мне страшно на звёздном снегу!

А ты — ты не видишь меня!
В безмолвном крушении миров
тебе не узнать, не понять
моих неземных катастроф!..

Мне встречи с тобой не дано:
я слишком душой на Земле.
Пространства стоят за спиной,
размахом космических лет.

Питомцы далёкой Земли,
уйдя в эту Млечную высь,
мы — рядом: меж нами легли
полтысячи лет... — *световых!*

Но ты неотступно глядишь,
и я этим взглядом влеком...
Дрожит у тебя на груди
галактик сверкающий ком...

4.01.64

2

В даль миров неоткрытых
я, как прежде, лечу.
Нас влечёт по орбитам
гравитация чувств.

Но и ты одинока
на межзвёздном пути.
Нас осталось немного
в этом сонме светил.

Разбросали по миру
нас капризы судьбы.
Мир невиданно вырос,
только я не забыл:

там, в бездонных просторах,
на орбите Земли
ждёт покинутый Город,
как весны — наших лиц.

7.01.64

3

Так без слова вошла —
так открыто вошла
 в наши души вселенская власть!
В два крыла
 опрокинутой бездной
 легла в нас широкая мгла, —
навсегда? —
 мы родились всего лишь людьми...
Навсегда? —
 в сердце входит стальная игла...

Всё. Прости.

Я высокую тайну постиг.
Я нечаянным словом проник
в твой загадочный круг,
в эту звёздную бездну твою.
Будет строгий январь —
мне послушен один лишь июль.
Звёздный мир так велик!
Я с тоской ухожу
в плену
галактических вьюг,
я не скоро вернусь...
я, наверно, не скоро вернусь...

20-25.01.64

4

Ты сама нагадала *январь*...
Город в сумраке сказочно тих.
Как сосульки, свисали слова
с крыш болезненных мыслей моих...

Из слепых галактических бездн,
из пожравшего время жерла
под насупленный полог небес —
под шатёр наших детских небес! —
ты по первому зову пришла...

И кружился над городом снег,
и светились дома допоздна...

И встречаясь с тобою во сне,
я боялся тебя не узнать...

27.01.64

5

...А ты была другою на Земле!
Нам обещали звёздные просторы,
и, полные единым ожиданием,
мы с неба не сводили жадных глаз.
Теперь оно — во всём охвате — наше,
теперь оно понятнее и ближе,
теперь оно щедрее обещает,
но ты была другою на Земле.

Мне снится: я вернулся, я брожу
по улицам Единственного Города.
Здесь всё по-прежнему, хотя прошли века, —
столетия, как дни, прошли над ним...
И — пуст мой Город: ни души, ни звука...
Мне видятся в каком-то новом свете
знакомые с младенчества места,
я должен что-то вспомнить и — не в силах,
я слово заповедное забыл.

Бреду туманной пеленою улиц.
Мой каждый шаг, мой каждый вздох
— как в храме —
разносит неестественное эхо...
А над собой я слышу голос Друга:

— Ты здесь чужой,
ты предал! Уходи!
Нет родины тебе, нет имени тебе... —
Щемящею тоской захватывает грудь,
нет сил, дрожу...
Бежать, искать спасенья!
А улицы хохочут вслед — беги!

Я обречён, я проклят: в этом мире
ни жизни мне, ни смерти не дано,
даны твои глаза, но ты меня не видишь —
ведь ты была другою на Земле.

27-28.01.64

6

Июль земное пестует во мне,
играет красками закатов...
Я стал сильней,
но ведь и он — сильней,
чем был когда-то.

Июль твердит, что небо — западня,
манит,
и я уже не властен
играть — в укор бегущим дням —
его привидевшимся счастьем...

Так что же мне фантомы вьюг
милей весны посюсторонней?

Я не ловлю уже июль.
Январь сосульчатый, печаль мою,
его метеоритную струю
по капле соберу в ладони
— и, обещаю, не пролью.

Вернуться!
Звёздный шлейф распорот!
Вдали, предметом всех тревог,
вращается орбиты ворот,
зовёт невыдуманный Город,
и мы живём в чужих просторах
латыню имени его.

Вернуться! Это слишком много
и слишком мало для меня:
ведь мне обещана Дорога —
Дорога Звёздного Огня,
ведь мне заведомо открыты
все вехи пройденных дорог,
и на исчисленных орбитах
не отыскать иных миров...

...Промолви *нет* — одно лишь слово —
и в нарастающую даль
мы, не узнав друг друга, снова
уйдём, как, дети, навсегда.

30.01.64

7

Там, на нашей планете,
Город ждёт этих строк —
он загадочно светел,
он таинственно строг;
он огромен, как бездна,
и вдали от него
вспоминать бесполезно
даже Имя Его. —
Знаки тонкой латыни
врезать в звёздную синь?
Ну, а здесь —
 небо в души нам хлынет, —
лишь лицо запрокинь.

21-30.01.64

8

Город ждёт этих слов —
 не под силу молчание мне.
Это — вам,
 кто по-рабски склонён
 перед дланью Судьбы.
Мы в нём были детьми! —
 это значит: мы были умней —
обвиняю в измене
 того, кто об этом забыл!

21-30.01.64

День возник и погас,
по-осеннему строгий,
и открылись для глаз
вехи звёзд на *Дороге*.

Но не тронет ума
эта звёздная россыпь;
я всемогущ, как маг,
всё сложилось так просто:

я живу и теперь
там, на нашей планете,
простирая к тебе
вёрсты новых столетий.

4.01.64

ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ ГОРОДЕ

1

Годы провалами улиц
В душу ко мне заглянули,
Так по-осеннему строго
Тенью легли на дорогу —
Жди, мол: тобою гонимы,
Мы не проходим бесследно! —
Всех нас заботливо примет
Город таинственно-бледный.

Город! Гранитная глыба —
Ни обойти, ни объехать...
Память вчерашних ошибок
В нём поселилась, как эхо.
Улицы. Ромбы кварталов.
Ламп убегающих нити...
Нам в переулках осталась
Магия звёздных наитий.
Милая! Город бесцельный
Искры твоей не заметит,
Только с тобой — нераздельно
Связан он нитью столетий!
В городе мы неприметны:
Город — как небо, огромный...
Милая! Город бессмертный
Каждое слово запомнит.
Город себе не изменит,

В городе царствуют тени,
Белые блики рекламы,
Глаз лихорадочных пламя...
Ходят красивые люди,
Говор их злобно циничен,
Лоск утомительно нуден...

— Это наш храм, Беатриче!

2

Этот город хрупких очертаний!
Этот город призрачных громад!
Ночь рисует контур каждой грани,
Тени режут линии оград.

Ночь неслышно входит в этот город,
Ночь приносит жёлтый лунный блеск,
Рано опускает в окнах шторы,
Стелется украдкой по земле.

Скажем этим улицам спасибо!
Нам открыли сумерки на них
Город неразгаданных улыбок,
Город полусомкнутых ресниц...

Я во власти мглы литых каналов,
Я во власти бронзы этих слов...
Друг мой, ночь нам много обещала —
Будем свято верить в эту ложь!

Протяни мне руку, Алигьери,
Мы пройдем по улицам вдвоём,
Я тебе прочту на каждой двери
Имя искромётное твоё.

В приглушённом шёпоте столицы
Сплетни будут реже день за днём;
Каждому сегодня ночью снится
Правда о величии твоём, —

Этих дней немая вереница,
Этот мир, где зримо ты живёшь, —
Снится отражение на лицах
Взгляда, вызывающего дрожь...

Будет ночь, стремительно и лживо
Намечая чары темноты,
Беспредметной грустью так красиво
Рисовать случайные черты;

Будет город, хладно-безучастный,
Нас манить стенанием Сирен;
Будет звать, томительно и властно,
Лёгкостью сегодняшних измен... —

Смутно верю, что на вызов этот
Я скажу затверженное нет,

Лишь поднимет зарево рассвета,
Как ресницы, шторы на окне.

3

Там, в центре, город жутко симметричен
Рекламами, витринами, стеклом, —
Святылище померкнувших величий
С веками превращается в Содом.

И только Зверь, по-прежнему сурово,
Проходим в очи смотрит день и ночь —
Как будто снова призраки былого
Вернуть на землю бронзе суждено...

А столп застыл в предчувствии рассвета,
И в наступившей звонкой тишине
Заря, уже поднявшаяся где-то,
Я верю, не забудет обо мне...

К Венеции брезгливо безразличен,
Поддавшийся нахлынувшей тоске,
Незначашее имя Беатриче
Черчу на подсыхающем песке...

1962-1963

ДОРОГА НИКУДА

(Вариации на тему А. Г.)

...Я заметил, как вздрогнула Эли,
Да, клянусь, я заметил один,
Как она подошла к акварели,
Чуть задёрнутой штофом гардин.

Тут без слова, без звука, без жеста
Все глаза обратились к стене,
И молчаньем, и скорбью протеста
Холод дня всколыхнулся во мне.

На картине, таинственно-строгой,
Так тревожно дрожат облака,
И уходит с равнины *Дорога*,
Поднимается в дымный закат.

Нам на синем играющем фоне
Приоткрылась грядущая даль...
Но никто не увидел — не понял —
Что *Дорога* ведёт *Никуда*,

И никто не нашёл на *Дороге*
Неприметной фигуры — моей —
Потому что до боли убогим
Я себя обнаружил на ней...

1962-1963

Луна включена на кирпичной трубе,
луна зажжена на фонарном столбе,
луна, улыбаясь, пришла на карниз,
луна по карнизу спускается вниз,
котёнок играет с луной на полу,
луну на подносе приносят к столу,
луна в сковородке шипит на плите,
луна простодушна в своей наготе,
луна, как ребёнок, собою полна,
луна одинока, луна влюблена...

...Не проснуться ли мне?
Надоели сны!
Комом в горле стоит строка мне...
Эй, кто там? Ловите осколки луны —
это я в неё бросил камнем.

1963

Здесь, на нашей планете,
так минуты спешат!
Кто торопит столетий
нарастающий шаг?

Кто считает, как бьётся
наше сердце в груди,
и, считая, смеётся
над смешными людьми? —

— Удручающе мал он,
вам отпущенный срок.
Вы бредёте устало
пеленою дорог.

Вам самим же сомнителен
смысл ужасного сна —
для чего, объясните,
эта жизнь вам дана?! —

Очертанья столетий
на дорогу легли.
Стали взрослыми дети,
дети древней Земли.

Всё, что можно, открыто
на Земле и Луне.
Мы меняем орбиты
отдалённых планет,

корабли посылаем
в галактический мрак
и с трудом вспоминаем,
чем томились вчера...

Но по-прежнему встречным
остаётся вопрос:
для чего, человечество,
твой неистовый рост?

1963

ДОЛЬМЕН

Время! Ты слышишь голос
Столетий, давно минувших.
В нашем канувшем веке
Мы не знали таких дорог,
Которые дали бы сердцу
Счастье забыть о тебе,
Которые дали бы людям
Право помнить о нас.
В расцвете юности нашей
Мы слышали слишком ясно
Поступь твоих минут —
Минут таких же бесценных,
Как самое красивое чувство.
Время, тебе в укор
Мы оставили здесь этот камень
На суд надменных потомков,
Равнодушных к ушедшим.

В нашем канувшем веке,
Слушая ход светил,
Мы однажды решили, Время,
Юными навсегда остаться,
И — не оставив имён —
Мы оставили здесь этот камень —
Как вызов тебе, о Время,
Как знак нашей победы, —
Ведь тебя побеждает, Время,
Только самое красивое чувство.
Здесь, над этим дольменом,
Однажды, за руки взявшись,
Мы тихо ушли в закат.
А когда нас не стало, Время,
Ты закат собрало в ладони,
Чтоб пролить над вечным камнем
Багряную скорбь столетий.
Время, ты слышишь нас?
Тени бледные наши
Останутся здесь навеки,
Чтобы, за руки взявшись,
Всегда смотреть на закат.

1962, июнь

Твёрдой рукой с листа сотру
последние грёзы дня,
а ночью уйду —
в леса, к костру,
к людям, зовущим меня...

Быть может, сумею
забыть восторг
туманных твоих ночей,
мой город, далёкий с недавних пор
пророческой мглой своей...

1963

Разметались в небе локоны заката,
Затерялись в рыжих клочьях облаков...
Знаю, что незримо где-то здесь прошла ты —
Как же не услышал я твоих шагов?

Скоро станут зори ярче и короче,
И, быть может, ночи будут ярче дней —
Если я проникну в тайну дивных строчек,
Тех, что написала ты недавно мне.

В новой нашей встрече небо виновато —
Видишь, как зловеще светел небосклон:
Это отразилась в зеркале заката
Грусть осенних листьев, ломких, как стекло.

И уже не страшно, если в сердце мне ты
Уронила горечь боли и утраты, —
На моих дорогах так светлы рассветы,
Так всечасно ярок скорбный лик закатов...

1961, 21-23.06.62

Мой побеждённый друг, ты победил —
Не забывай отчаянья победы!
Грядущее идёт за нами следом,
А прошлое маячит впереди.

Мой побеждённый друг, она сейчас,
Уже сейчас простить себе не смеет,
Что разрешила веско промолчать
В ответ на вызов, брошенный так смело.

Ты победил, покинув поле боя.
Она не сразу даже поняла,
Что ты не всю тоску унёс с собою —
Вы честно поделились пополам...

Она девчонка, с ней да будет мир,
А ты — тебе осталось грезить прошлым.
Ты победил — и, значит, жребий брошен.
Не забывай своей победы, Пирр!

1961-1962

В парке так же тихо. Синий-синий вечер.
Медь последних листьев падает с ветвей.
Кто-то в поднебесьи зажигает свечи
И роняет людям холод их лучей.

Алой полосой дали пламенеют,
Сосны устремились в синий небосклон.
В парке так же тихо. Там, в конце аллеи,
Женская фигурка, стройная, как клён.

Нас напрасно случай сводит неустанно,
Мы не ищем встречи, всё прошло, как сон.
Нам осталась память осени туманной —
Образ твой навеки в ней запечатлён.

Видишь, всюду осень! В этот вечер ясный
Медь последних листьев падает с ветвей —
И воспоминанья только тем прекрасны,
Что вернуть не в силах мы ушедших дней.

1961-1962

Я помню наизусть слова признаний —
Их не забыть, не выбросить, не сжечь.
В моей душе — неизъяснимый танец —
Живёт печаль случайных наших встреч.

Года пройдут и, растворясь в закате,
Не принесут ни горя, ни стыда,
И только сердце грустью мне заплатит
За каждый миг, ушедший навсегда.

1962, июнь

Весна — это просто, прозрачнее сна,
неверная нежных ночей пелена,
и лёд, уступающий плеску волны,
и то, что надеждами души полны.
Мы дети весны — и в порыве своём
мы верим в наивность и мудрость её.
Весна — в неизбежности истин земных
и даже в самом ожидании весны,
а может, в тревогах огромного дня,
а может, в девчонке, забывшей меня...
Весна — это значит: дорога ясна,
и цель неизбежна, и даль не страшна;

весна — это город без края и дна,
которому только улыбка нужна...
Весна — это даже немножко смешны
и самые мысли о чуде весны,
ведь в наших сердцах торжествуют стихи —
стихи, этот синтез весенних стихий!

1964, май

Последнее лето детства,
ещё дававшее право нам
на сказочное
надеяться
в унынии своенравном, —

прошло, растворилось, тревожное,
искреннее, как снег,
в наших душах, ставших строже к нам —
и, должно быть, умней...

Оно отошло. Я вижу его.
А что нам предложит взамен
осень, девчонка рыжая,
рыжая, как Кармен?..

1963–1964

Звучные капли упали,
Брызнув на мутные стёкла.
Вижу сквозь мокрые стёкла
Города серые дали.

Чёрного вечера чары,
Звучная поступь прохожих...
Вглядываются в прохожих
Тусклые тротуары.

Там, на слепом горизонте,
Тучи сомкнулись без силы...
Дождь барабанит уныло
В твой прохудившийся зонтик.

1961

ПИСЬМО О ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ

Т. К.

В городе дымный след
нам
оставил закат.
тенью легли по земле
контурь облачных скал.

Мы детство с собой унесли.
Всё стало
таким простым.
Тенью в сердца легли
юности нашей черты.
Слышим мы каждый шаг
в гулких провалах улиц —
это город звенит в ушах,
будто и впрямь вернулись
грёзы ушедших лет,
будто, дети, мы только уснули,
закутавшись в звёздный плед...

Ты. И город.
А ночь —
ночь дымно-туманных картин,
ночь провидческих снов, —
где-то уже в пути.

Таёт в туманной дали
улиц тревожная тень...
Странно, что мы
друг друга нашли
в этот последний день.

1963

ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ

(1964-1967)

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Пять лет шли мы рядом — и в каждом бою
тебе посвящал я всю ярость мою, —
всю боль поражений, всю радость побед
я нёс на алтарь моих дум о тебе.

Пять лет — только степь да курганы кругом,
пять лет мы сражались с отважным врагом.
Гремели копыта, взлетали клинки,
за тучами стрел выросли полки,
и утро вставало чернее, чем день
в чаду от сожжённых врагом деревень...

И — нет тебя более рядом со мной!
Заря. И враги обступают стеной, —
и вот он, не чаянный мною конец,
и Смерть прискакала на белом коне...
Склонилась, в глаза мне взглянула, как мать:
— Ты ранен? Ты предан, я знаю сама!... —

А шлемы сомкнулись железным кольцом.
Я встану, чтоб встретить как надо, в лицо,
я встану — и всё, что успею, воздам!..
Ты видишь? В Заречьи горят города,
и плач в деревнях, и оковы звенят...

Как здравствуешь? смеешь ли очи поднять?

1965

Такой туман, что не слышать копыт.
Столбом стоит сиреневая пыль.

Ни светляка в небесной тишине.
Один скачу на взмыленном коне.

Ни зги кругом. Доколь хватает глаз —
фантомы сумрачно-туманных масс.

Но вот огни! Коня пускаю в рысь —
вдали горят полночные костры.

Вёрст десять будет. Путь ещё далёк,
А на курганах лютый враг залёг.

Он любит ждать, он бьёт наверняка!
Вёрст пять осталась. Даль уже близка.

Степняк привычный целиться устал.
Горят костры! Уже всего верста...

Ещё не поздно повернуть назад!
За мной следят холодные глаза.

Мгновение — ворвусь я в светлый круг
в кольчуге стрел... я у своих умру!

...Во мне встаёт полночная заря.
Горят костры... твои глаза горят...

1965

Я — жертвенный бык.

В неоглядных садах,
похожих на лес, я, священный, живу.
Я бог... А за низкой оградой стада
такую же сочную щиплют траву.
Там солнце, и небо, и ветер — для них,
их рыжие спины ласкает закат.
Под вечер куда-то уходят они,

и грустно, прощаясь, коровы мычат.
А я одинок. Только в сумерках дня
суровые старцы в одеждах жрецов
всегда без ошибки находят меня,
и я уже каждого знаю в лицо.
Стирают мне пыль с золочёных рогов
и чистят упругую шкуру мою.
Я жертвенный бык.
На двенадцатый год
меня в честь Великой Богини убьют...

Полночной порой
в околдованный зал,
где быть не дозволено даже царю,
иду в благодарных счастливых слезах —
припасть на мгновенье к Её алтарю.
Мне радует душу алтарный огонь,
я к Деве нездешнею силой влеком
и мрамор священный — Богини ладонь —
лижу я шершавым своим языком...

Всего только раз — я не в силах забыть! —
был взгляд этих глаз на меня обращён...
Я предан Богине. Я жертвенный бык.
Я ей посвящён.

Я Тебе посвящён.

1966

Разлетелись чёрною стаей
птицы гарпии, волооки...
Ты такая теперь, такая,
как бывают одни лишь боги.

Необъятное, непростое
в наши земли вторглось разладом.
Видно, радости я не стою...
Но и чести большей не надо.

...В неоглядных полях печали
хищной стаей сидят, жестоки...
Вознесён толпой, облачаюсь
в багряницу жреческой тоги.

Недоступен, с лицом суровым,
исполнитель тягостной роли,
поднимаюсь в венке лавровом
на торжественный Капитолий.

Захлебнусь я хвалебным вздором,
подавлюсь бредятиной славы,
если ты не придёшь на форум,
не простишь площадной забавы.

Разве это было в начале?
Разве не были мы — как боги?

В неоглядных полях печали
детских грёз упали чертоги.

Значит, в лучшем встретимся месте!
...Где ты, мой закадычный друг?
Смерти ищет душа, не лести.
Поспеши, избавитель Брут!

1965, 1970

Распятие и плаха. Взгляни на меня, Беатриче!
Я знаю, что жизнь моя — жалкий и лишний пустяк.
Но вечность — моё. Я отныне и впредь — без кавычек, —
пусть годы, как головы, в мёртвое небо летят.

От ереси не отступлюсь. Умираю, не каюсь.
Стоит над Флоренцией чуткая белая ночь.
Спускаюсь к Неве, спотыкаюсь о небо — и камни
могильным покоем спешат поделиться со мной.

Я строил воздушные замки, я строил химеры!
Не первый стою я над смертью, а город молчит.
У города сплин и от ямбов расшатаны нервы.
Никто здесь тебя не услышит, кричи не кричи.

Флоренция праздников требует, хочет оваций,
ей зрелищ подай, крокодилов, слонов, какаду.
Я тенью прощальной приду на Большой восемнадцать,
но там — ни души... Там на казнь обречённых не ждут.

1966

...А вот уже и площадь Льва Толстого...
Испуга нет и удивленья нет,
лишь ямбы, полусонные, как совы,
заброшенно скитаются во мне...

Виденьями насыщена минута,
слезами детских заповедных мест,
но сердцу подвиг предстоящий — жуток.
Шепчу, бодрясь: *alea jacta est*...

Январь, как сфинкс, застывший на пороге,
на подступах к заветному во мне,
вздывает ассирийские чертоги,
молчит и ждёт, и наметает снег.

Эдемом — стёкла мёрзлые в трамвае,
я в них — Адам, я неопровержим,

но Евою тебя не называю,
и Стиксом Карповку не называю,
и мир заснеженный за окнами лежит...

1966, 1970

Закатно мне, —
 не печально, не радостно.
Стоят стихи, как деревья сожжённые.
Стоят, как *круги единичного радиуса*,
на себя же
 конформно отображённые.
За окнами — клочья неба досужего:
качается стужа —
 крыльев взмах...
Кружётся, видишь?
 кру́жится, кру́жится
последняя моя зима.
Ветер носит, кру́жит
 нечто крамольное:
вздохи,
 звёзды,
 мечты — над словесным гравием.

Но —
ты знаешь, что всюду царит гармония,
и что всё совершается в мире правильно,
и что вся моя вера в тебя —
случайное
струн брэнчанье,
ребячество, одичание...
и ещё —
какого цвета отчаянье
и какие глаза у него отчаянные.
Ты ведь знаешь?
Отчаянье —
белое-белое,
за окошком хлопьями
падает, падает...
Чем ещё пространство осиротелое
нас порадует?

1965, ноябрь

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В нашем парке сосны, как подсвечники,
тихо дожидаются меня.
Я убью тебя осенним вечером,
на исходе ласкового дня.

Будет небо светлое, как песня,
над тобою, — баюшки-баю.
Я потом пойду

в кафе *Ровесник*

и пропью стипендию свою.
За́ полночь явлюсь я к другу Вовке,
мы вдвоём поплачем обо мне,
а затем намылю я верёвку
и повешусь в парке на сосне.
Прокурору — сплетни и сомнения,
и хоть, в общем, мне заботы нет,
всё же я за час до преступления
настрою записку в комитет:
— Перед тем, как на сосне-подсвечнике
ветер стал раскачивать меня,
я убил её — осенним вечером,
на исходе ласкового дня.

1965

В физике, в Пальмире
вечных категорий,
я — последний лирик
под ножом истории.

Там, где длится шествие
интегральных истин,

каждый шаг — как лезвие,
каждый взгляд — что выстрел.

Право ж, это весело!
Я листаю томы
Белого и Бесселя,
Байрона и Бома.

Но Декарт лукавит,
и тебе, материя,
пусть мой стих предъявит
вотум недоверия.

1966, 1970

СЕССИЯ

Весна грустна — моё упущение!
Не до сна. Недочёт. Надежд усечение.
Белена
по орбите, близкой к расчётной,
течёт, влюблена в своё течение.
Просчёты множатся —
континуум? счётное?
Весна отвешена, как пощёчина
(вчера, сдавал теорию множеств —
сегодня бы два на два умножить).

Расслаблены члены,
сомкнуты челюсти,
мечты никчёмны —
добыча челяди.
Вопреки врачам,
вопреки учебникам,
вопреки увлечениям
кем- и чем-либо
безумный век сей —
ковчег рефлексий!
Сажусь в ковчег,
стыдиться нечего:
я человек,
клочок человечества,
неба клочок да больная печень —
в нуле конечен,
покрыть мя нечем.
Мой текущий счёт
на газовом счётчике
течёт, течёт —
чего ещё тебе?
Он, счётчик, циник:
сияет цинк,
цифр нарастающие столбцы,
крутится вихрь — останови их!
А в июне
экзаменатору-Вию
два ассистента подымут веко —
вот она, ересь! и нет человека...

Вопреки врачам,
вопреки учебникам
мою печаль
облегчите чем-нибудь!

1966, 1968

СТУДЕНЧЕСКАЯ

На физ-мехе время вздох течёт,
и пространство — непреткновенное.
Звездочёту завтра сдаём зачёт.
Вам —пельменная, нам — вселенная!

Вдоволь выспался — жизнь свою проиграл.
Отмерцала Веспера реплика.
Как хорей, пленителен интеграл,
как анапест — эллипсы Кеплера.

Покати шаром, притяженье тел.
Погоди, сердце электричество.
Только вам бы век я служить хотел,
уравненье, ваше величество!

Несложна любовь в девятнадцать лет,
не из самых трудных задание:

интеллект помножить на интеллект,
поделить на квадрат расстояния...

1966, 2006

ПИСЬМО

Вот ежедневное начало
деепричастья моего:
вы возле садика на Малом
садитесь на сороковой.

Как одинокая волчица,
заря над городом бежит,
трамвай по Карповке влачится,
по Сердобольской дребезжит.

Вы приезжаете, вы рядом —
но всё равно, но всё равно
когда-то, словом или взглядом,
всё основное решено.

Кричит аудиторий кречет,
у вас зачёты на носу,
но деканата чёт и нечет
нас друг от друга не спасут.

Вы, милая, другим наука,
и вам идёт наука впрок.
Для вас досаднее недуга
моё скандальное перо.

Я леший, я не чту приличий,
я лишний всюду, там и тут.
Я мелкий бес политехнический,
чертог науки я не чту.

Вам не уйти от святотатца,
не отвертеться от вины.
Мы встретиться и расквитаться
за шалость детскую должны.

И мне доподлинно известен
тот факт, простой, как соль земли,
что вам не улизнуть от лести,
а мне не миновать петли.

1966, 1970

Ничем не примечательна минута.
В бездонном коридоре института —
всегдашний полдень, суета и гам.
Тут всем сестра́м даётся по серья́м,

по перстню — молодцам и шалопутам,
и только мне лузга не дорогá...
Лица не поднимаю от тетради.

Как зверь в лесу исконного врага,
тебя в толпе я чувствую, не глядя.

3.04.66, 1970

ПОЛНОЧНАЯ ЗАРЯ

Весна играет скетчи
в твоём дворе пустом.
Приходишь ты под вечер
в свой коммунальный дом.

Стоишь впотьмах — и знаешь,
что ты обречена,
садиться, злая-злая,
у чёрного окна.

А за окошком тени
и полутёмный двор —
и никаких сомнений,
и вовсе ничего.

Глаза твои всё строже
и губы всё бледней —
и ты уже не можешь
не думать обо мне.

И даже засыпая
тоски не отогнать —
ты знаешь, злая-злая,
что ты обречена.

Во сне ты видишь горы
и сосны при луне,
и я, как вещей ворон,
уселся на сосне,

и пляшет без оглядки
полночная заря,
и мы играем в прятки
двенадцать лет подряд.

Я реплики, как перья,
роняю на ветру.
К сосне приходят звери,
салятся в полукруг.

У них, наверно, тоже
у каждого — своё...
Уходим осторожно,
чтоб не спугнуть зверьё.

...Во сне ты рада встрече,
довольна ворожкой —
и знаешь: близок вечер,
назначенный судьбой.

1966

Собрав свои румяна и белила,
закат ушёл в сосновый гребень парка,
где некогда *она* со мной бродила —
наивная, жестокая дикарка.
...Да след простыл!
По дымным городам —
мороз и зной, и ровный гул земли...
Зелёные, как змеи, поезда,
машины, самолёты, корабли
и крылья грёз, — откликнитесь, куда
вы злое моё счастье унесли?
Во сне ищу её по белу свету,
кружу по спинам выгоревших карт...
Беглянка, где ты?
Вот уж третье лето
у института умирает парк.
Стареют наши сосны — наша юность, —

шатёр вечнозелёный обветшал,
стволы под ветром не поют, как струны...
Без нас — им стало тяжело дышать.
Парк будет лиственным. Весёлым будет.
Вольют берёзы ветреность свою.
А сосны несгибаемы, как люди,
и умирают в сомкнутом строю...
Не приезжай. И я уеду тоже.
Нам столько лет, что нечего делить,
но будь мы хоть на целый век моложе,
мы б всё же непременно разошлись.
Я больше не певец самораспада,
не жрец политехнического парка,
мой храм развеян, мой алтарь не задан
тремя координатами Декарта.
А всё-таки, судьбою обворован,
в моих стихах не разлучусь с тобою —
покуда в парке, с небосклоном вровень,
как люди, сосны умирают стоя.

1966, 1970

ФИЗИКИ

Набегают волны электричек
на густые сумерки вокзалов.
В городе остались Беатриче
и разлука, а меня — не стало.

Обо мне ещё вздыхает эхо
в глубине одной из старых улиц.
Я на самый край земли уехал —
на полмира рельсы протянулись.

Здесь зима. Морозы минус тридцать.
За окном — рукой подать как близко —
очи нашей признанной столицы,
светятся огни Новосибирска...

Беатриче этот факт известен:
я в страну своей мечты уехал,
в те края, куда собрали вместе
мальчиков с физфаков и матмехов.

...Сплю и вижу: вот я снова дома.
Невский до смешного непривычен.
Почему-то на углу Садовой
я опять встречаюсь с Беатриче.

Нам вдвоём торжественно и странно,
вновь открыты и сердца и лица, —
и забыт удельный вес урана
и неоны северной столицы,

и почти застывший ртутный столбик —
там, где на заснеженной земле
бьются лбы, блестящие, как колбы,
над решением мировых проблем...

...Говорят, я всё забуду скоро:
Вспоминать здесь некогда и негде...
...Беатриче раздвигает шторы
в старом доме на Большом проспекте.

1964

Осенний ворох слов, сомнений ворох.
Безумствуем, с решеньями спешим...
Вот ты ушла...
А мне остался город
грядой своих кубических вершин,
ущелья улиц, переулков норы...

В сырую ночь, с асфальтовых пустынь,
с полей, впитавших городскую сырость,
я возвращусь в обитель немоты,
в пещерный мрак моей пустой квартиры.
Здесь гулким эхом отдаётся вздох,
а тишина
насыщена отчаяньем,
и телефон, брыластый, как бульдог,
на привязи скучает, сыт молчанием.

А если сдуру и нарушит тишь,
зальётся радостным никчёмным лаем,
не подойду —
ведь ты не позвонишь,
и я давно и твёрдо это знаю...

Мы с городом останемся вдвоём,
проникнусь я его молчаньем жутким —
и рядом с ним молчание твоё
покажется мне пустяковой шуткой...
Переживу
и боль, и мрак, и морок...
В асфальтовых полях моей души,
как часовой, стоит на страже город
грядой своих кубических вершин.

1965, 1970

Чьи-то губы мне ближе твоих,
а кому-то — твои.
Но закат — это нам на двоих,
это храм на двоих.

Жаль, что наш заколдованный круг
ты забыла, мой друг!

Жаль, что вновь не протянешь к костру
этих зябнущих рук...

И куда нас уводит тропа
от заветных лампад?
Пролистав наши души, пропал
листопад, листопад...

1966

Когда-нибудь, рассудочен и сед,
в другом краю припомню я без боли,
как я в слезах глядел любимой вслед,
смешон, высокопарен и безволен.

Она явилась из другой страны —
из Зурбагана, из отчизны Грина,
где грёзы в тесный кокон сплетены
под парусами не из парусины.

Она прошла как откровенье дня,
как если б мир шагнул в зарю из тени,
конечно, не заметив ни меня,
ни моего дурацкого смятенья.

Не посмотрела в даль закатных вод,
где одинокий парус мой алеет...
Когда-нибудь моя мечта умрёт,
а я остепенюсь и повзрослею.

1965, 1970

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Подбирают к эпохе эпитеты,
об эпохе с апломбом беседуют,
с аппетитом

эпоха выпита

и съедена

буквоедами.

За наплывом пустых,

надоевших строк

поди разгляди сквозь мрак ты,
где

закрыли от нас мишурой

существо

обнажённого факта...

Брошен я,

забыт,

до костей раздет,

без единой мысли в кармане.

Может, выручишь внука, дед,

ты,
ушедший в старый стенной портрет?
Помоги! Одолжи вниманием...
Я по горло ползучей пошлостью сыт,
ты — знавал времена всемирные! —
френч, три ромба,
щёточкою усы —
из тридцатого года
вынырни!
Зря, выходит, потоками кровь лилась,
нам достались
кочки болотные.
Где она, твоя народная власть,
братство с равенством
благородные?
Нам теперь от старших помощи нет...
— Помолчи-ка, внук! — говорит портрет. —
Помолчи! —
да мозгами раскинь. Отрицать —
мелко. Люди
глубже устроены.
Видишь ты честолюбца да подлеца,
выставляющихся героями,
видишь ты предателей легион,
палачей да ночных налётчиков,
а предатель —
тот, кто в себя влюблён,
и палач хорош —
из начётчиков.

У революций есть давно забытый навык
вносить в сердца

заоблачную высь —

чтоб были Времена,

и были Нравы,

и были Люди

с ног до головы;

и чтобы знать, что цели оправдали

народных жертв

трагический размах,

и чтоб потом историки писали

исследований толстые тома;

и чтобы нам, кто опоздал родиться,

достался вдруг весь груз избитых фраз,

вся белена ханжей, весь лом традиций,

забытых и опошленных вчера...

У революций есть

бессонная работа,

а ты, потомок, прячься и молчи,

когда гигантов судят готтентоты,

когда поэтов душат палачи...

...Они ошиблись? Их ошибок было
на грош от тех, что принесла к войне
Россия, взмыленная, как кобыла,
с невероятным грузом на спине.
На них тома взирали, как Эзопы,

они понять не смели, смущены,
безумного движения Европы,
раскатов неминуемой войны.
На них катились толп Сарданапалы,
сносили перекрытия доктрин...
На них снаружи что-то надвигалось,
и что-то надвигалось изнутри.
Ещё далёк проклятый сорок первый,
но, завершая европейский цикл,
по до отказа напряжённым нервам
под маской рвения к ним пришёл — фашизм.
Пришёл — и умер в мужественных душах,
и распустился в душах подлецов,
и — превратился в безысходный ужас
для не узнавших страшное лицо.
Так чёрный дух толпы пошёл на приступ
высот, добытых кровью и трудом, —
и здесь, как там, пытали коммунистов,
а за евреев принялись потом...

...Пора признаться — что же тут такого?
Не хватит ли цитатами бряцать?
Ведь, право, не один же Шостакович
весь этот ужас понял до конца?..
Ведь мы полны душевного движения,
и вот она глядит уже на нас —
История,
 задумчивая женщина,
усталостью сухих бессонных глаз...

1965, 1970

КОММУНИСТЫ

Их рожи чйсты,
слова зубасты,
глаза когтисты;
язык — что заступ,
душа — что приступ.
Ах, коммунисты!

Они плечисты,
они речисты.
Они — схоласты-
-эквивибристы.
Порой с подсказкой,
всегда с ириской.
сначала с лаской,
а после — с миской.

1965

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Гудящий, скучающий актовый зал
и глупый президиум за столом,
и я выхожу... и твои глаза —
и, значит, сейчас же не будет слов.
Я должен канючить, кричать в микрофон —

чем громче, тем лучше — какую-то чушь,
а мне эта кафедра — что эшафот,
ведь ты меня видишь... и я не хочу.
Колотится сердце в районе виска,
из зала — мелькание лиц и рук,
и люстры расплёсканы у потолка...

Я должен. Иначе меня изберут.

1966

Какой же я холоп и негодяй!

Гамлет

Так бестолково, так неловко
душа устроена моя!
Душа, а душно, как в духовке,
стихи, как противни, стоят.
И я, исследуя анналы
моей Психуши, двадцать лет
ищу в отчаянье Начало —
да, видно, зря: Начала нет.
Но есть концы — в потенциале...
Порой, проснувшись поутру,
так ясно вижу: в одеяле
лежит окоченевший труп...
Июль, а за окошком сыро,

и воробы, и моросит,
сама собой моя квартира,
в пространстве брошена, висит;
на столике бутылка пива,
у телефона — счёт на газ,
и тощий кот сидит, как вывод,
в моих синеющих ногах...
Конец мой неизменно жалок,
и от вопроса не уйти:
каким же быть должно Начало,
чтобы к такому привести?

1965

ГАДАЛКА

Крестовые дамы
в казённом доме
крест, им данный,
несут, как долю.

Тузы и валеты
в плащах и латах,
и кабриолеты,
и звон, и ладан.

Тасуя жизни,
гадалка судит
дела чужие
и судьбы, судьбы...

Навет преданий
в наш век бредовый —
крестовые дамы
в казённом доме.

Легла эпоха,
как день, на карты.
Я с Малой Охты,
а ты — с Монмартра.

1965

СОНЕТ

Как мне забыть твои глаза и губы...
Висит туман, роскошный, как виссон,
палаток стадо, и луна на убыль,
и к полночи — костёр на сто персон.

А Волхов катит чёрное и злое,
а в Киришах всегда — то дождь, то зной...
Земля очнулась от палеозоя
для заунывных песен под луной.

Спускалась ночь молитвой святотатца,
вставал рассвет, колючий, как репей,
и было нам с тобою не расстаться —
вот так же, как не встретиться теперь.

...В Гондвану кануло моё былое,
где катит Волхов чёрное и злое.

1965, 1970

Мир потихоньку тает
мимо труб водосточных —
слышишь? кап!

запятая

кап! кап! кап!

многоточие.

Как надоела стужа!
Кто же забыть не рад её?
Кануло солнце в лужи
к нам на Петроградскую.
Смех, воробьиный танец,
почерк набухших почек —
я люблю

запятая

даже очень.

2.04.66

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Помнят разве фонари,
может, Невки воды,
что ты, парень, натворил
на мосту Свободы...

Вышли наши с ней дела
от Адама с Евой.
Эта женщина жила
за мостом налево.

Ах, глаза её узнать
довелось зачем мне!
Их сегодня вспоминать
мне одно мученье.

Только их не вспоминать
вовсе нету силы.
Голосит по мне весна,
точно мать: спасите!

Ходят цепью фонари
на мосту Свободы.
Открываю на пари
уголовный кодекс.

Вот заветная статья —
тут не расквитаться!
Виноват, выходит, я
этак лет на двадцать.

Ну, а если выйдет нам
оборот медали,
значит, вовсе, старина,
поминай как звали.

Оттого-то фонари
на мосту Свободы
от зари и до зари
водят хороводы.

5.04.66, 12.05.70

ЗА ИСПАНСКИМ ЗОЛОТОМ

К чёрту двести цивилизаций
с неумеренностью традиций;
к чёрту вывихи махинаций
попустительствующих юстиций;
все препятствия, все границы;
всех, кому наверху сидится,
всех, кому наша кровь — водица,
кто не ленится нагибаться
и сатрапствовать не стыдится!

К чёрту выпренную культуру,
сладкогласных поэтов лиру,
многотомную макулатуру
и мещанствующую Пальмиру,

Данта, Моцарта партитуру,
и Гомера, и Эпикура,
все наследственные порфиры,
все рабочие диктатуры,
всех, кто походя или сдуру
с человека спускает шкуру, —

— Слышишь? Ветер гуляет по миру!

1

Ах, море, море, —

кошачьи повадки волн!

Наш дом на холме, и тропинки спадают вниз —
как руки, спадают вниз...

Кипарис —

сок ударил в ствол...

Ты взгляни,

хоть на миг от меня отвернись,

от лица моего...

Ах, море, море, светлая гневность волн!

Милая, ты мне снишься,

даже если ты рядом.

Смотри:

над людьми,

над Красным Берегом,

над зарёй,

над поднимающим паруса бригом —

небо, светлая ниша, —

и небо выльет...
— Мы вернёмся к вам,
мы вернёмся — живые!..

2

Я ухожу. Давай-ка сердце, Биче!
Оно мне пригодится в океане,
а с ним и руку — маленькую руку,
такую хрупкую в моей ладони.
Прощай.
Проститься лучше на рассвете.
Я привезу эскудо и реалы,
я привезу смарагды и стихи,
а ты молись за нас...
У Диких Скал
корма *Линор*... и двадцать не вернулось,
они на дне морском. Но я — вернусь.

Ты знаешь: хоть нельзя никак без моря, —
но и моряк живёт не ради моря,
не выжить в море, если — только море,
прощай же
— и покрепче обними...

3

Я всего только юнга со шхуны *Линор*,
разбившейся на Диких Скалах.
И куда же деться мне?
там — осколки

невозвратимого... детства ли? —
судьбоносный вздор,
всё, что снилось нам,
что мечталось...

...Поначалу
крошку *Линор* так раскачивало
по ночам,
что вдоль нижних палуб
крыс кидало и скатывало,
и где-то в трюме,
они, задыхаясь, кончали кричать.

Поначалу —
 сентябрьские шторма,
и шестнадцать лет корабельному юнге,
а поля океана,
а леса океана —
мировой размах
без конца, без начала,
и теряется след
в этих дюнах...

По утрам вставало
отдохнувшее за ночь солнце,
беспощадное в своей прямоте,
и в упор расстреливало
всё и вся, от бушприта до юта,
и тех, кто на реях,
и сажало на кол

с непривычки страдающих от бессонницы...
А на палубе пестрели
чёрные и белые спины полуобнажённых тел...
Где вы теперь, отчаянные?
Где вы теперь?
Где?

4

Пришла пора моей печали,
пришла пора, пришла пора...
Моё *сегодня* отвечает
невозвратимому *вчера*.
Я по-мальчишески удачлив,
мне даже верить не хотят.
Но непосильные задачи
всегда решаются шутя —
и в этом гвоздь! И рифма — гостья
на зависть нищим и князьям —
в моём саду срезает гроздьями
янтарный драгоценный ямб, —
и в этом суть, и в этом вывод!
Недаром ведь за триста лет
я — первый, кто вернулся с Гривы
и снова ходит по земле...

(...)

1965, 1970

На Невском, под чахлыми липами, валом валит толпа, многолика, стозевна, глуха и слепа, — а рядом, исторгнут из недр мезозойской Земли, лежит динозавр, на передние лапы припав...

Мне друг говорит: — Понимаешь, дела... Извини. Запарка! Бегом на работу, домой, в институт. Нет времени даже подруге своей позвонить. Потом разберёмся... Я думаю, съёмки идут...

Чудовищный зверь, воплощённое наше вчера, проникнутый общею с нами тоской по земле... Наверное, это совсем не легко — умирать под грузом двухсот миллионов непрожитых лет...

Тропический лес отражается в полуслепых, от геологических бездн помутневших глазах. Ведь он, умирая у ног равнодушной толпы, хоть смутно, но всё-таки знает, что он — динозавр...

...На Невском ночами горит электрический свет. Там роют и строят. К Гостиному тянут метро. К утру, всем чужой, в облетевшей с деревьев листве, стоит экскаватор, ковшовый разинувши рот.

1966

ЧЕШСКИЙ ДНЕВНИК

Всё кончено. Осталась только ты.
Мечта теснит законы и основы,
бледнеет Рим от этой правоты,
от этого движенья неземного.

Мечты с лихвою хватит на двоих.
Не говори, что выдумка красива —
вот оправданье вымыслов моих:
твои глаза всемирны, как Россия.

Твои глаза — и сразу всё равно,
и оседают в сердце многоточьем
картины Ждяра, Липницы и Брно
и пражские готические ночи.

1966

1

Печаль имеет цвет и запах,
она, как шпалы, тяжела.
Два дня состав идёт на запад,
раскинув степи в два крыла.

Простёрты реки, словно руки,
под рельсы, млечные, как стих...
Я умираю от разлуки
к концу второго дня пути.

Забыты книги и тетради,
со мной любовь, тоска и страх...
А в вертограде, в Ленинграде,
стоит столетняя жара,

и жизнь вернее философий
преподаёт релятивизм...
Но абсолютен женский профиль
в трёх измерениях любви —

и в этом суть... На мостовые
упали знойные ветра,
и тени ходят, как живые,
в твоём парадном до утра.

Ты утром встанешь — и внезапно
увидишь вместо стен и крыш:
идёт состав на Чоп, на запад,
Россию крыльями раскрыв.

2.07.66

2

Прага, весёлая тайна...
Косы ночь расплетает,
голубиные стаи, усталость,
улица Оплетала...

Прочь, усталые строчки!
Дня впечатленьям мало.

Мы возвращаемся к ночи
на улицу Оплеталову;
прочь, до завтра...
А впрочем...

Мы возвращаемся поздно.
Словно груши на Страгове,
висят весёлые звёзды
над чернофигурной Прагой.
Тают минуты,
тают...
Ночь, по-женски серьёзная,
волосы расплетает.

1966

3

Милой вот уже двадцать... Под крышей, на пятом,
где от солнца — одни пресловутые пятна,
где закон изменения суток не задан,
где мерцает континуум крыш Ленинграда, —
земляничный рассвет,
обещая веселье,
к дню рожденья её наведёт акварели,
а потом, улыбаясь, поскачет по стенам,
словно конь на приколе у телеантенны...
Где она этим утром? Не знаю, не знаю...

Над дворцом президента трёхцветное знамя,
над готическим эпосом узеньких улиц

опрокинута сонная праздность июля...
И какой-то мальчишка решительно даром
пишет глупые письма из города Ждяра,
а потом у него поезда и дороги,
и мелькание лиц, и усталость в итоге...
Ах, читать ей
ни капельки не интересно,
как он бродит ночами по Старому Месту,
как глазееет на мутную быструю реку,
как сидит допоздна в знаменитом *У флеков*,
а потом обречённо плетётся обратно...
Милой весело... Милой другое понятно...

28.07.66

4

Вся Чехия — один кромешный зной.
В вагонах тесно, духота и копоть.
Мы в Липнице. У замка, под стеной,
блаженствует славянская Европа.
На тротуарах и на мостовых
с гитарами, расслаблены на диво,
сидят и бродят молодые львы,
вест-эндские показывая гривы.
Котомки, карты, фляги — на земле,
чекушки в рюкзаках полупустые;
ребята босы, волосы до плеч,
девчонки в джинсах, рослые и злые;
охрипшие от пива голоса,
с утра физиономии в подтёках,

причёски — в стиле нео-ренессанс,
походка — в духе чешского барокко... —

...Шепни из пламени: *святая простота!*..
История безвидна и пуста.

4.08.66, 1970

5. ПРОЩАНИЕ С РОМАНТИКОЙ

Я надену ботинки на толстой подошве
и пойду бродить по планете.
Зной,
или дождь будет плакать о прошлом,
или ветер, —
я пойду по планете.
Не о посохе я, не как странник, —
пилигрим, в капюшоне
от тайных и явных врагов, —
я пройду по земле,
как избранник
олимпийских богов.
На глазах у меня города расцветут, как бутоны,
мир возникнет,
и снова погаснет,
и степи раскинет, как крылья,
и взыграют вулканы,
и вспыхнут речные затоны,
и кентавры, резвясь, возвратят позабытые были..
Это всё
ты увидишь во сне в августовскую ночь.
О тебе я ни слова не знаю, ни слова!

Эта ночь! Берегись —

будет сниться, что вновь
серебром до рассвета звенят по Европе подковы.
Будет сниться такое:

по палубе ходят валы,
и растёт непомерная тяжесть у капера в трюме,
а из форта на шхуну чугунные смотрят стволы,
канониры у пушек стоят с фитилями, угрюмы...
Будет Гамлет

со стен Эльсинора взирать, даровит,
будет Фауст, подавлен, о доле вздыхать человеческой.
Будут гибнуть Роланды...

Ты только не плачь от любви.
Мы друг друга с тобой непременно узнаем при встрече.
Или —

пусть тебе лучше приснится тропический юг,
где туземцы и пальмы,
и ночью красивой и душистой
над чужими морями чужие созвездья встают
и висят между рей

надо мною
как спелые груши,
а под утро бледнеют в отчаянных красках зари.
Пусть приснится тебе
паруса наполняющий ветер.

Вот и всё.

И о снах мы не будем теперь говорить,
слишком много ещё
удивительной яви на свете.

1966, Ждяр-над-Сазавою

6. В ПОЕЗДЕ

До Остравы ещё далеко.
Мы с Пенцовым играем в очко.
Я сижу на тюках у дверей,
ни бельмеса не смысла в игре.
Мы уселись — ни встать, ни пройти.
То и дело кому-то в сортир.
Извиняются всякий раз,
перешагивая через нас.

А за окнами горы лежат,
сине-синие, в три этажа...

1966

7

Сыч сычом, сижу в ресторации *Белый Лев*.
— Пиво? — Мне бы поесть...
...не забудьте хлеб...
Официантка, розовая, навеселе чуть-чуть,
с добрыми глазами молодой кобылицы
приносит какую-то жареную чушь,
которая только в Чехии и может присниться.
Потом появляется удивительный мальчик Саша
(а может, не он, а кто-то другой из наших),
мы сидим и молчим —
о любви, о несвареньи желудка.
Жутко...
Я честно жую. В голове — перловая каша.
Я сижу и боюсь, что сосед мне что-нибудь скажет,

и придётся застенчиво улыбаться...
Стаканы пустеют, растут, двоятся...
Баста!
Роняю нож со стола. Посылаю кого-то к чёрту.
Ухожу... Двоится бумажка со счётом...
(Всего-то пять кружек... неужто я сильно пьян?)
Позвольте, голубушка, эта корона — моя.
Ошибка? То-то... Оставьте, не надо сдачи...

На улицах сыро. Городу скучно — плачет.
Мне весело.
Весело дождик стучит по крышам.
Я — не жду, не жду твоих писем!
Ты слышишь?

18.07.66, Ждяр-над-Сазавою

8

Стоят над Чехией ветра.
И скучно. И дожди.
Как будто снова Ленинград
за складками гардин.

Как будто отворяю дверь
в сырую пустоту —
и ходят волны по Неве,
тяжёлые, как ртуть;

и ходит дождь по мостовой,
совсем осенний дождь,

и ты кого-то ждёшь — кого?
Из песни — не уйдёшь.

Но песня там, и здесь ветра
раскалывают тьму,
и Ждяр, нелепый, как мираж,
как слово *почему*;

и что у чехов на уме,
по-русски не понять.
И ты за тридевять земель,
и любишь не меня.

1966

9

...Уходят лозунги и гимны,
и остаётся как-то вдруг
чужое слово *ностальгия*,
бесповоротное, как труд...
И облака идут над Прагой.
И дождь. И плачет город Ждяр.
И невзначай взрослеешь на год
за сутки чешского дождя.
Потом светлеет.

Так красиво,
спокойная, приходит ночь...
Но вот

движение России
я ощущаю за спиной —

и вдруг становится нелепым
всё наше вне её границ,
и остывают краски лета,
и пустоты не объяснить,
и жутко-жутко, до озноба,
до белых ямбов —
мысль: а вдруг?! —

Но —
в Чехии дешевле обувь!

Но —
в Чехии дороже труд!
И за рубаху из силона
берут каких-то сотню крон,
и, процветающий,
исконно

демократичнее закон,
и — ... обо всем не хватит силы —
ну, право, это рай земной...
Россия, вечная Россия,
встаёт, как время, за спиной...
Россия, блудным есть ли право
теперь в глаза твои взглянуть?...
...Гроза. Стоит гроза над Прагой.
Наш поезд через пять минут.

9.07.66,
Ждяр-над-Сазавою

ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ

Мы косвенны, как мухи на стекле.
Любой ответ содержится в вопросе.
И нет проблем. И есть на всей земле
для всех *систем* одно *решенье* — осень.
Её *аппроксимация* — в азах,
в метаморфозах *кратных отношений*,
в твоих глазах... *Осталось показать*,
что осень — это *общее решенье*,
что мы с тобою *заданы в нуле*
и *сходимся*, и, так или иначе,
наш мир *определится однозначно*
— ...и косвенно, как мухи на стекле.

...Но если не сойдёт на землю пламень
и мы не удовольствуемся снами
и нам не хватит красок, рифм и нот —
минувшее разделяется с нами:
история взметнётся, как цунами,
и косвенное в душах захлестнёт.

Останусь неразумным эгоистом!
В толпе идей, в столпотвореньи чувств,
порвав с осточертевшим игом истин,
я — прошлое переиграть хочу.
Неужто бывшее неотменимо?
Неужто в нём не разнuzдать ни зги? —

— непоправимое, как право Рима
своё ярмо навязывать другим?!

Мы косвенны. Евклидово касанье —
прикосновенью и слиянью враг.
Под нашими пустыми небесами,
что было завтра, будет и вчера.
Так пусть воскреснут небеса другие!
Я настоящее гоню вшаей.
Перепополняет душу ностальгия
по Карфагену, родине моей.

Пусть прошлое своим преображеньем
моё грядущее одушевит.
Пусть Карфаген меня усыновит.
Ни слова о проигранном сраженьи!
Ни слова о проигранной любви!

От Эйлера, от Блока, от Родена,
от глаз твоих, прости, я ухожу —
пусть мечутся в истерике по стенам,
как женщины, фигуры Лиссажу.
На два тысячелетия разлуки
возьми сентябрь и только чаще снись...

Двоится мир. Жрецы воздели руки.
На башнях плачут голуби Танит...
Забуду реку, скованную льдами,
забуду глетчеры в твоих глазах.
Надвину шлем, возьму копьё и знамя.

Уже взметнулось времени цунами.
Я должен битву выиграть при Заме,
я победителем приду назад.
Нам ненавистны римские законы,
Нам это иго невозможно длить...
Вдали встают шеренги Сципиона.
Решается история Земли.

Один лишь бой —
и уж не мой ли гений
поднимет человечество с колен —
и все пути сойдутся в Карфагене
на тысячи неподъёмных лет?
Латиницы Европа не узнает,
пуниец вспашет римские холмы,
восторжествует истина иная,
другая вера окрылит умы...
И с нас с тобою осенит везенье,
забудутся обидные слова,
угмонится чувств столпотворенье —
и рифмой лучшего стихотворенья
сойдёмся мы на невских островах...

...Один лишь миг —
и бой преобразится.
Не повернут против своих слоны,
карфагенянин сломит нумидийца,
сокровища Мелькарта спасены, —
и мы с тобою — соединены...
Я возвращусь, и ты меня узнаешь,

обрадуешься мне, не оттолкнёшь...
Победное уже взметнулось знамя.
Тит Ливий врёт.
Полибий — та же ложь...

...Но если... —

Если с Клио шутки плохи, —
и сквозь эпохи шлемов и кольчуг
верхом на историческом подвохе
я, возвращаясь, мимо проскачу?..
Смогу ли — два тысячелетия в минус! —
на той Земле начать свои дела,
где не было России и в помине,
где двадцать лет как ты не родилась?..

Молчанье... Осень попросила слова.
Я проиграл. Не впрок моя игра.
Мне чудилось, решение готово,
а это — только *первый интеграл*...

Мы косвенны... мы неприкосновенны...
Мы — вздор, математический каприз,
мы — кривизна, мы каверза Вселенной
и мы не друг для друга родились...

Мы косвенны. Дрожат твои ресницы...
И вижу я: над башнями Танит
двоится мир, решение двоится,
и осень ничего не объяснит.

1966, сентябрь

Сашка канул
будто и не было
голые камни
белое небо

за плечи мешок
и канул как в воду
ушёл ушёл
и руки не подал

ветер в желудке
и в патронташе
ранним утром
ушёл наш Саша

в тулупе дыры
согреться нечем
злой как худые
галкины плечи

в белое белое
белое небо
канул Сашка
будто и не было

1967

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

Мне худенькие плечики твои не обнимать,
нам души человеческие тронула зима,
любовь мою нескладную с обидой пополам
и все пути обратные — метелью замела.
И некому ответить за печаль мою — и пусть
двадцатое столетие не жалует за грусть.
Стоит оно в шинели с карабином у плеча,
красное похмелье в тускнеющих очах.

12.03.67

1

— Папа, я поеду в Иудею!
— Брось свою нелепую идею!
Там война на море и на суше,
вся страна в огне, и храм разрушен,
реки изошли кровавой тинной,
по дорогам скачут сарацины,
по пустым дворам собаки лают,
разорён дотла Ерушалаим...
Ах и ой!
Куда ты взгляд ни кинешь,
попраны законы и святыни,
ум и совесть не имеют весу...
Поезжай-ка лучше ты в Одессу!

1967

2 (Псалом)

Нам звёздный плед,
нам злые сны,
нам боль без края —
по всей земле
твои сыны,
Ерушалаим;
по всей земле, по всей земле
в одной тревоге
мы ищем десять тысяч лет
к тебе дороги.

В полёте птиц,
в лучах зари,
во всём, я знаю, —
лежат пути,
пути не в Рим —
в Ерушалаим;
цвета надежд, любви и слёз —
в его палитре;
под стук колёс над всей землёй
звучит Колнидрей...

Ах, та далёкая страна, —
не родина для нас.
Так что же десять тысяч лет
душа о ней грустит?
Любимая! На полпути
забрехала весна,

но — лишь мечтою о тепле,
но только иней на стекле
она позолотит...

14.09.67

3

Вспаханы поля под полигоны.
Воздух напряжённее и чище.
В городе светло и полуголо.
Улицы блестят, как голенища.

Слышите молчание проспектов?
Даже слух не надо напрягать:
по планете марширует некто
в кирзовых армейских сапогах.

На полях кричат вороны стаи.
Города расставлены во мгле.
Он шагает, слышите, шагает
по святой и проклятой земле.

Чьи следы остались на дороге?
Кто принёс щемящий звон копыт?
В городах пустуют синагоги.
Ветер ожидания и пыль.

Встали облака над Иорданом.
Двигутся над звёздами знамёна.

В облака развёрнутым ударом
конные восходят эскадроны.

14.09.67

4

— Даже если вас высоко
злато вознесёт и мудрость,
да не станет в вас гордыня
выше меры и рассудка. —

Так учил нас вещей старец
Авраам из Сарагосы,
приоткрывший нам завесу
в храм высокого познания.

А почтенный наш родитель,
реб Иуда бен-Закаи,
торговавший льном в Иене,
нас учил совсем другому.

Как-то, нас собравши вместе,
говорил он брату Юсту,
мне, моей сестре Ирине
и родительнице нашей:

— Кроме града в Иудее,
кроме храма Соломона,
кроме клятвы ми-камоха,
кроме сих святых предметов

вы забудьте всё на свете, —
помните одно лишь злато,

в коем счастье и достаток
и людское уваженье;

ибо ежели не станет
у меня в подвалах злата,
кто, скажите, даст вам пищу,
приютит нагих и сирых?

Минул год, и вот однажды
к нам ворвались христиане
и убили брата Юста,
и в подвалах взяли злато;

и родительницу нашу
отдали на поруганье,
и в холодные застенки
бросили отца Иуду.

Лишь моя сестра Ирина,
как велит обычай предков,
бросившись на меч, успела
умереть неосквернённой.

Но когда, узнав об этом,
я поник бессильно в горе,
мне сказал мудрейший равви,
Авраам из Сарагосы:

— Даже если тяжкий жребий
выпадет на долю нашу,

да не станет наше горе
выше меры и рассудка.

13.09.67

5

Проснитесь! Бессонные ночи встают.
Идут поезда на бунтующий юг.
Бессонная явь наполняет квартиры
любовью и скукой, творящей химеры...
Я в вечном долгу перед девочкой Ирой
за то, что не принял улыбку на веру,
за скуку и ложь,
за фальшивые слёзы,
за раннюю боль неприятия прозы...
Но некогда вспомнить!
Уходят года.
В кричащую полночь идут поезда.
Прощайте!
Вы слышите песню мою?
— Мы вам оставляем науки и споры,
улыбки, любовь и асфальтовый город,
бессонные ночи, сумятицу вьюг!
Мы встретим столетье винтовкой и лирой —
история нам не откажет в примерах...
И ты,
даровитая девочка Ира,
проснувшись, увидишь бессонную эру:
бессонного неба
немеркнувший яд,

бессонные воды,
бессонную явь...

12.07.67

К сердцу комом подступают ямбы —
в явном соответствии искомым.

Уж не я ли выдумал, ноябрь,
акварель
красот твоих исконных?

Уж не я ли,
вспоминая лето,
сел однажды и постановил —
осенить озябшую планету
благодатью ласки и любви?

1966, 4.10.67

В нас затаилась осень
листьями междометий —

вспомнит, придёт и спросит, —
что-то мы ей ответим?

То ли, что было лето
порознь нами понято,
и затаилась где-то
в наших сердцах — ирония?

С клёнов, осин и вязов,
в такт с затаённой болью
листья летят, как фразы,
брошенные тобою.

Это и наша участь —
в нас притаилась осень:
мы облетаем, мучась
вечной весной сосен.

Так небосвод серьёзен!
Всё к дождю
по приметам...
— Знаешь, не надо, осень,
не торопи с ответом.

9.10.67

ПО ТУ СТОРОНУ

(1968-1970)

ЛЕТЕЙСКИЕ ВОДЫ

Последняя река, останови
движение твоей воды неспешной!
Я одержим печалью безутешной:
я — по другую сторону любви.

Сей мир теней бывает внешне схож
с обителью, покинутой навеки, —
но лишь когда мне сон смежает веки
и правду сладкая сменяет ложь.

Порою в благостном и зыбком сне
друзей далёких различаю лица,
но сердцем знаю: это только снится,
я здесь один... Не люди это, нет,

а тени горестные душ людских
скитаются в молчаньи углублённом...
Но та, чьё имя было мне законом,
младенческий одушевляя стих, —

она по эту сторону любви,
добра и зла, забот и дружбы нежной,
в наисчастливейшей юдоли грешной —
и бог за то её благослови!

19.08.70

Демон ли, дух ли, гений —
здравствуй, моя Лигейя!

*(Всё, чем земля прекрасна,
всё, чем богата Гея...
ах, как бледны вы, краски!..)*

Невозвратимая, здравствуй!

*(Боги, остановите
времени пляс!
Вот уже год не видел
я этих глаз;
ты, кому эта ода
посвящена,
вот уже больше года
ты не одна...)*

Творческий бред Эдгара,
мой ли каприз и бред,
руны, раны и чары
в памятном январе,
росписи кватроченто,
россыпь лунных камней,
иго моё, — зачем ты
вольничаешь во сне?
Сны мои косолапы.
Взятки гладки с растяпы!
Проку ли — с интеллигента?...

Здравствуй, моя легенда!

1969, 12.05.70

В Павловском парке —
слова, вознесённые всеу,
слезинки модальные...

*(Запахи лета.
Снится мне это.)*

Где-то на Карповке
ночь кафедральная с аркой...

Это детство ревнует.
Прости, моя дальняя!
Знать бы заранее —
верно, мы многое дали бы...
Вот моё алиби:
где-то над Прагою
звёзды горят, как миндалины...

*(Было ли, не было —
сказкой, наветом...
Запахи лета.
Снится мне это.)*

Ночь кафедральная,
дом отрешённый
и арка;
Карповки шея...
Плачет решётка
 времен волевых решений,
плачет, как арфа
 под пальцам ветра-Петрарки...

Прощай, моя дальняя!

1969, 1970

ГОСТИНЫЙ ДВОР

РЕКЛАМА-ОРАТОРИЯ

*Г. Т.,
в замужестве Г. Д.*

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор.

Ах, мои слёзы!

Там девушки стройны как на подбор.

Ах, мои слёзы!

Там я брожу — Назон, восставший в бозе

с недавних пор,

и мнятся мне мои Метаморфозы —

Гостиный Двор!

Ю. К.

Моя любезная ушла

делить свой хлеб с другим,

но пусть ей всё-таки во сла-

-ву будет этот гимн!

ХОР

Ах, мои слёзы!

А. В.

Женщина стоит у патефона —

она!

Стала мечтою мичмана,
сердцу привычной гаванью
в плаванье заграничном, а
главное —
говорили ей: не меняй фамилию,
а она...

Ю. К.

Приятель, вас высечь следует:
вы лирик, но мне не друг.
Я физику исповедую,
последнюю из наук.
А женщина эта спорная
едва ли узнала вас.
Но всё же давайте поровну
поделим наши права.

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор!

А. Б.

Она весёлой невестой была...

Ю. К.

Ну да, это было!
Галактик сплетенье
вселенским цветком у тебя на груди,

и ты — не девчонка, а стихотворенье,
заветное, то, что всегда впереди!

ХОР

Пора, пора воспеть Гостиный Двор!
Мы уклонились от насущной темы.
Прилавок ждёт, а не любовный вздор,
от нас поэмы!

Ю. К.

Ах, мои слёзы!

ХОР

Боже! Вступаю в отдел трикотажа —
сколько изделий изысканно тонких!
Будто раздели принцессу — и даже
фрейлин, служанок, девчонок на пляже —
всё на продажу!

Ю. К.

Душу, которая тоже девчонка,
будто до нитки раздели подонки:
нате, глазейте, пусть формы покажет —
всё на продажу!

ХОР

Часы? Извольте!

Ю. К.

Уж не те ли, которые
ни забыть, ни вернуть мне —
уж не те ли минуты?

ХОР

Часы — это здорово!
Просят недорого.

Ю. К.

Ах, мои слёзы!

ХОР

Нет, не Назон я вовсе, но Спиноза —
был Этика мой труд, но с этих пор —
Гостиный Двор!

Граждане! Эй! Карманы бродячие,
эй, набирайтесь скорей отваги
и покупайте всякую всячину
исключительно в нашем универмаге!

Ю. К.

Реклама, а вышел псалом!
Но людям да будет известно:
мой храм, обречённый на слом,
останется божеским местом.

ХОР

Ах, мои слёзы!*

1970

*Новобрачной, из Г. Т. ставшей Г. Д., я хотел подарить значок с изображением её новых инициалов. Такой значок носили продавщицы в Гостином дворе. С величайшим трудом, преодолевая себя и, конечно, без объяснений, я обратился на Перинной линии к одной из скупавших за прилавком самодовольных напомаженных кукол, мне всегда отвратительных (нужно ли говорить, что Г. Д. была на них совсем непохожа?):

— Не продадите ли мне ваш значок?

— Нет, — холодно ответила она, а соседке, такой же отталкивающей прилавочной бездельнице, бросила:

— Знаешь, зачем *им* этот значок нужен? —

Это фантастическое *им* долго стояло у меня в ушах. Не для меня одного гостиные приказчицы были *категорией*; но вот и я оказался представителем *категории* в глазах одной из них. Какой категории, я не любопытствовал.

Для меня на белом свете
ты была одна,
а теперь склоняет ветер
наши имена, —
там теперь склоняет ветер
листья по шоссе,
где стоит на белом свете
город Туапсе.

Так надежда в этом мире
ходит меж людьми,
но, как дважды два четыре,
длится только миг;
и, как дважды два четыре,
правило старо,
что с печалью в этом мире
всё наоборот.

1969, 11.04.70

Обо мне пускай не плачет
чудный город Нью-Мишель.
Отправляюсь наудачу
в океан людских земель.

Амазонка тихо дремлет,
Нил сверкает на пути...
Только все людские земли
мне вовек не обойти.

И поскольку нет у суши
ни начала, ни конца,
в человеческие души
я пускаюсь и сердца.

Может, счастье улыбнётся
в этой сутолоке мне?
Может, милая вернётся
наяву или во сне?

3.09.70

Про выстрелы и ладан,
про иней на висках,
про всё, про всё —

БАЛЛАДА
О БЕЛЫХ
БАШМАКАХ

Ах, беленькие туфельки
на низких каблуках!
Должно быть, я ослышался —
не верится никак.
Но говорят в народе:
мол, нечего вникать:
твоя лаура ходит
в белых башмаках.
Мне говорят: не верь ей!
Видали мы таких.
Она за вашей дверью
меняет башмаки.
Завидуют, завидуют —
от этого и лгут!
Ну где ж такое видано?
Поверить не могу!
Но говорят в народе
злые языки:
уж ходит, мол, так ходит,

мол, это пустяки.
Мне говорят: ну дело ли
природу упрекать?
Зима и вовсе белая,
а ты о башмаках...

Мы маленькие, маленькие —
много ль нужно нам?
Зимой достанем валенки
с горем пополам,
не валкие, не тесные,
и варежки с руки...
Осталось неизвестно мне,
причём тут башмаки.

1968, август,
Ново-Михайловка

ОЛОНЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ

(...)

Дай, Спасе, мне
от ран батожных выжить,
в овражках в Заонежьи
отлежать...
Един пожар за мною остров Кíжи,
как лезвие сапожного ножа!
Я вор, я пёс, я жалкий злобный инок,
я гол! С меня полушки не возьмёшь!
Не мне, не мне —

моей России в спину —
немецина, невысказанная ложь! —
сиятельной рукой Екатерины
направлен сей невероятный нож!

В который раз ты мать моя, Россия!
Вручаешь мне, о мать, в который раз
свои дожди
неверные, косые,
тоску
и зоркость азиатских глаз!
От батогов в рубцах спина и ниже...
Бог знает, сколько дней осталось мне...
Не Китеж, нет,
я вижу остров Кíжи
покоящимся на озёрном дне.

И значит, не бывать тому, что было:
что ты дала, другая отняла,
и ляжет слой окладистого ила
на эти купола, колокола...

(...)

1969, 18.05.70.

ПОДРАЖАНИЕ ГАРСИА-ЛОРКЕ

Скучный-прескучный город
ночью окутан длинной.
Забраны плотно шторы,
поблескивают витрины.

Споры давно исчерпаны.
Шторы, словно ресницы,
в окнах повисли чопорно.
Но никому не спится...

Висят с разводами шторы
на окнах скучных гостиных...
Обходит угрюмый город
злая цыганка Марина.

Её вороные косы
мерцают отливом медным.
Пудель с розовым носом
бежит за Мариной следом.

— Это ли скучный город? —
кричит Марина. — Не верю!
Эй, подымайте шторы!
Эй, отворяйте двери! —

Грежу я наяву ли
вымыслами пустыми?
Где же провалы улиц
с тусклыми мостовыми?

Он вострепнулся, город,
стал многолюден, светел...
— Будьте, — кричит Марина, —
веселы, словно дети!

Что карнавалы в Риме,
Генуе или Ницце!
Масок не нужно — ими
всуе скрывают лица.

Скучный-прескучный город
полон весельем, смехом,
точно смеются горы
многоголосым эхом.

Где-то пляшет Марина,
в общем гомоне тонет,
волосы длинные-длинные
и звёздочка на ладони.

До первых лучей рассвета
царит неслыханный праздник.
Зову я: — Марина, где ты?
Она меня только дразнит.

Помашет мне, улыбнётся,
опять в толпе растворится...
А город в ответ смеётся
и песни летят, как птицы.

По асфальту звёздных дорожек
скатываются планеты.
Где твоя милость, боже?
Где ты, Марина, где ты?

11.07.70

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

*Я люблю тебя в зелёном!
Ветер зелен, веток зелень...*

Кануть голубем с балкона
в чашу звёздных ожерелий,
раствориться, раствориться
в нескончаемых просторах —
эта радость только птицам,
только нам с тобою впору.
И повиснуть на маслинах
ветром, что метался в поле...
День томительный и длинный
ожиданием расколет

ночи, чёрные от крика
звёзд, от их шипов и яда...
Этим летом, Федерико,
приезжай ко мне в Гранаду.
Смерти нет! Сердца, не верьте
этой выдумке упрямой...

Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.

25.08.70

— День, ты сна не дал мне доглядеть!
Где регалии ночные, где?
— Ночь, я истины твои постиг —
ты прости, я говорю про стих.
— День, все истины твои просты,
а стихи беспомощны, прости.
— Ночь, родительница ты идей,
я же только твой подёнщик, день.

31.08.70

Сентябрь увиделся мне
китайским плафоном,
на тоненькой нити подвешенным,
и гостем непрошенным,
и скрипачом безутешным,
водящим смычком по шершавой и звонкой луне.

Сентябрь увиделся мне
надломленным юношей,
вялым, скупым, осторожным —
он бродит ночами
по гравии звёздных дорожек,
а утром кричит от мучительной боли во сне.

Сентябрь увиделся мне
дорогой асфальтовой,
листьями клёнов уложенной
и мокрой от слёз; как возможное,
всё невозможное
без всяких усилий живёт, отражённое в ней.

Мне видеть её всё грустней...
Поэтому именно
чёрным ночным почтальоном,
печальным, как дверь,
роковым, как аптекарь влюблённый,
бездумным, как эхо,
сентябрь увиделся мне.

30.09.68

Это только игра, игра —
слова весёлые...
За порогом ветра, ветра,
деревья голые.

За окошком дожди, дожди,
нёса не высуну.
Если хочешь, живи один
с белыми высями.

Отвори балконных дверей
створки-локоны —
и останется плач дерев
около,

и останется слов игра,
кофточкой свесится...
На порог не пускаю страх
нового месяца.

На порог не пускаю дум
белые простыни —
вот я просто сижу и жду,
брошенный взрослыми...

12.08.70

Я все свои сроки просрочил —
и нет обойдённых обочин
с травой не примятою сорною,
и звёзд не осталось не сорванных...

Другими написаны гимны,
и в гимнах воспеты другие.

Но есть ещё южные ночи
и песен слова беспризорные
и разные истины спорные...
И есть этот мир, между прочим,
в котором я счастье просрочил,
но выгадал вящие доводы
в защиту теорий порочных...

Так выпьем по этому поводу!

9.11.69

УСТАЛОСТЬ

Со мною что же случилось?
Усталость, ах, усталость!

Исчерпаны науки —
претит мне даже звук их
имён нескладно-сложных,
их злато истин ложных...
Я жрец высоких истин
резца, пера и кисти...
Но я бессилен, боже,
и музы немые тоже!
От формул и от грусти
сбегаю в захолустье —
но нет и здесь покоя...
Я вывожу рукою
такие закорючки,
что если стать от скуки
не суждено мне прахом,
то я умру от страха.

Они молчат, науки!
Но их немые звуки
меня зачем тревожат?
и время кто стреножит? ...

30.08.70

Велик архив мой... Вот стихи вам:

Наедине с моим архивом... —

— нет, всё не так! Но вот стихи:

Уединяюсь в мой архив...

— опять не так! Начну сначала:

*Когда, подобные мочалу,
мучительно влачатся дни,
когда не смеешь объяснить
тоску, внезапную усталость —
в своё вчера уединись...*

Но это получилось вяло,
растянуто и неумно —
ну, словом, скверно. Мудрено
давать всеобщие советы.
Терпенья, право, больше нету —
довольно! Брошу этот стих —
нескладное собрание строчек,
итог потуг, — оставлю их,
пусть пропадают. Жаль не очень.

Но где там! Проповедь не впрок —
который раз беру перо:

*Уединяюсь в мой архив!
О чём, о чём мои стихи
минувших лет? Смешно и странно
перелистать страницы снов —
любви залеченные раны
и радость... И увидеть вновь,
в набросках силясь разобраться,
того мальчишку, чьих следы
подошв доселе, как плоды
трудов, асфальты Петроградской
ещё единственно хранят —
моих! Ну да, того меня
с физиономией дурацкой!..
Милы мне эти пустяки:
рисунки, письма, дневники!
Как будто писаны не мною —
смотрю на них со стороны
и полон странной новизною
замшелой этой старины...
Велик архив мой!*

Ба, архив?!

Но что за дерзкие стихи
строчу я? всё подальше спрячу!
Не рукопись, самоотдача —
вот цель поэзии одна,
как поучает Пастернак.

13.08.70

А ты всё та же, та же.
Не изменялась даже
библейская протяжная
 лень в рисунке плеч —
и снова я на страже
твоим послушным пáжом
твоей любви сермяжной
твои мечты стеречь.

Но лето отцветает,
и люди бредят стаей,
и, может быть, Цветаевой
 были бы под стать
глаза твои: в них тайная
наша суть простая,
как Саломеи танец, —
преступна и чиста.

1968, 21.02.70

ЭЛИСЕНВААРА

В городе — асфальтовое лето.

Сколько их, забытых, невоспетых
дней, которые уходят даром!..
— Собирайся! Куплены билеты —
мы поедem в Элисенваару!
Милая, ты слышишь? Мы поедem
в ту страну, где сосны и медведи,
где озёра, полные, как чаши,
нашим счастьем, молодостью нашей,
где немислимы тоска и старость —
мы поедem в Элисенваару!

В городе — асфальтовое лето.

— Ты ведь знаешь: нам приснилось это.
Валуны, хрустальные озёра,
дикий край, с названьем звонким город,
лес, весна.. Признайся, сделай милость, —
даже счастье, нам оно приснилось!
Явь ревнива и скупа на слёзы —
мы живём, и это, в общем, проза,
честная и плоская, как нары.
Нет на свете Элисенваары.
Ты, должно быть, в Ялту взял билеты.

В городе — асфальтовое лето...

26.03.69

Поэт не в античных ли метил мещан?
Est modus in rebus, есть мера в вещах...
Две тысячи лет невзначай протекли.
Мещане его с интересом прочли.
За веком вприпрыжку проносится век.
Пылятся коллекции библиотек.
Поэта в пылище поди отыщи!
Он с вящею почестью поднят на щит,
а вещи простёрты в обоих мирах,
и правят мещанами скука и страх.
Но разве забыты слова мудреца?
Никто и не думает их отрицать.
Подай нам вино из Мореи, да хлеб,
да зрелища, — требует нынешний плебс.
И вот уж мы веселы. Годы идут,
а вещи вокруг хороводы ведут.

7.06.70

СОНЕТ

Кое-какие весомые истины,
спорные исстари, выясним, истые.

Кое-какие задачи глобальные
глыбами лбов мы додумаем, дальние,
или в примеры сведём тривиальные.

Кое-какие уроки истории —
малую толику: притчи бесчисленны! —
уразумеем, должно быть, мы, — вскоре ли
или не сразу, а всё же домыслим их.

Правда, порою весьма радикальны мы:
некто с идеями маниакальными,
некто искатель, а очи нахальные...

Хляби хвалы... океаны хуления...
Хлеб поколения? веянья тленные?

2.09.70

Скука ли? Голод? Чёрт ли их гонит?
Трое студентов в товарном вагоне,
книги забросив, на юг уезжали —
разве не жаль их?

Брёвна и доски дрыхнушим жёстки,
куртки и брюки грязны, как обноски,
рванный брезент от дождя не спасает,
хмарь нависает...

Снедь добывают, копать смывают,
чудом от стужи не околевают
ночью на тряской открытой платформе —
всё это в норме!

В Харькове пышном пыльные крыши,
вдоль тротуаров рассыпаны вишни,
ходят лениво, как зебры, трамваи —
припоминаю...

В Красном Лимане — всё как в романе —
власти на нас обращают вниманье:
зайцев хватают... а мы их прощаем —
служба такая!

В полном порядке — взятки с нас гладки! —
мы на горе обитаем в палатке,

в Ново-Михайловке, у лукоморья —
мало нам горя!

Кто они, эти взрослые дети? —
что с ними делать, куда бы нам деть их?
Тот, кому встретить таких доведётся,
пусть улыбнётся....

1969, 12.05.70

ГОРОЖАНЕ

И. З.

Что нас держит в столицах,
ты не скажешь, сестрица?
Нас какие тревожат
впечатленья, не скажешь?

Год нечаянно прожит —
не заметили даже.
Подвести бы итоги,
на себя оглянуться —
мы ведь люди, не боги
и не раки на блюде...

Нас какие науки
до седин беспокоят?

А искусства? От скуки
есть ли средство какое?

Нанизать горизонты
на мизинцы, на зависть —
как заманчиво это!
Импозантны, как зонтик,
синяки под глазами —
не уснуть до рассвета.

Что таилось веками
с геометрией рядом —
угадать бы, где камень
философский упрятан! ...

Бесприютные ночи!
Мой Онегин не начат,
Фауст мой неудачен
и мандат мой просрочен...
Бог не мной озадачен,
не стихом озабочен...

29.07.70

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПИСЬМО

1

Прости, дорогая, я долго молчал.
Я знаю, весенние трубы звучат —
и души тревожат... и утро в слезах...
Я должен о многом тебе рассказать.
Давай отвлечёмся от скучных идей,
потрёпанных истин, потёртых людей,
от пляски за полночь теней городских,
от грусти (запомни!), от страхов людских,
Приду я под вечер, в назначенный день,
ты самое скромное платье надень
и с первою краской вечерней зари
ты дверь, выходя, за собой затвори.
Но где твой унылый асфальтовый двор?
Мы выйдем в таинственный сказочный бор —
на самых верхушках не дрогнет листва,
стоит на опушках по пояс трава,
и ели искрятся в последних лучах,
и звонко от тихого смеха зайчат...

2

Лишь солнце зайдёт, я тебя приведу
туда, где русалки играют в пруду,
и тлеет костёр, и сидит у костра
загадочный зверь — полудруг-полувраг.

Он трусит, и взгляда не смеет поднять,
и грустен, и чем-то похож на меня,
и рыжая шерсть на загривке густа,
и странная речь у него на устах:
— Поверь, — говорит он, — настанет пора —
ты станешь, как я, — полудруг-полувраг,
и глаз от земли не посмеешь поднять
и будешь до боли похож на меня... —
Не стоит сердиться! Он бредит весной,
и всё, что он выдумал, очень смешно.

3

А вот и избушка в медвежьем лесу —
в ней баба-яга заплетает косу
и ночь напролёт, поправляя свечу,
всё вяжет на спицах какую-то чушь.
Давай постучимся!

— Ведь скоро светло!
Кого это, — скажет, — ко мне занесло? —
Не бойся. Ты видишь: светлеет в дверях:
старуха со свечкой идёт отворять.
Уж больно стара! Ничего, поворчит
и ляжет тихонько дремать на печи.
И, если попросим, расскажет она
о канувших в бездны седых временах.
И совы послушать мудрёный рассказ
одна за другою слетят с потолка;
и мыши из дыр в полусгнившем полу
придут и усядутся рядом в углу...

Старуха бормочет о чарах лесных,
о дуплах заветных, о пнях потайных,
о леших, о дубе с учёной совой,
о лунных полянах с волшебной травой,
о речке, где гномы резвятся с утра,
о рыбах, о звёздах...

Светаёт.

Пора.

Старуха зевает, укрылась теплей...

Тихонько задует свечу на столе,
и дверью не скрипнем, спускаясь во двор.

Но где же таинственный сказочный бор?

Ещё не померкла закатная даль,
всё тот же привычный и скучный асфальт,
и нет ни тревоги, ни слов о любви,
и нет меня рядом,
и ты не зови...

Живу я в дремучем медвежьем лесу,
где баба-яга заплетает косу,
где гномы, резвясь, хороводы ведут,
а ночью русалки играют в пруду,
где ели, насупивши брови, стоят,
и слышно, как плещется рыба в ручьях...

1968

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ *М. Г.*

Твой октябрь осыпает листья
нежные, поблёкшие едва.
Никаких хрестоматийных истин,
ни плакатов, ни знамён, — листва...
Твой октябрь бродит в переулках,
трогает тихонько провода,
спрашивает: — Маша, ты уснула? —
и во сне ты отвечаешь: — Да. —
Говорит он: — Мы давно знакомы,
наши грусть и слёзы — пустяки,
будь что будет: вызываю гномов
из моих подземных мастерских.
Ты проснёшься утром ровно в восемь,
будешь долго у окна стоять:
это мой подарок, это — Осень
Самая Красивая, твоя.
Спи. Мы все поглощены работой —
лишь бы ты, проснувшись, поняла,
что живёт на этом свете кто-то
чтобы делать добрые дела.

1968, октябрь

Сколько золота рассеяно
В парке, в сквере, во дворе!
Будто волхв самонадеянный
Воцарился в октябре.
Вот и снова ночью длинную
Не щадит своё добро,
Бородой трясёт козлиною,
Рассыпает серебро.

16.10.70

ПЮВИ

Монпарнас в упряжку дня
тучи пегие впрягает,
осень плачет о любви.
В нашей студии Пюви,
злой и тонкий, как пергамент,
ходит длинными шагами,
ходит, медленный, как Гамлет,
и не смотрит на меня.

А распахнутый Париж
сытой пастью говорит:

— Был Анри со мной не дружен —
от него осталась лужа,
тоже труженик, а факт.
Ты недюжен? Ты не нужен.
Ты банален, как тюфяк.

Тучи строятся поротно.
Краски тают на полотнах.
Полумрак осенний. Жуть.
Я за примусом слежу.
Вянет день в оконной нише,
за окном — чердачный вид,
скачет по соседней крыше
воробей закатно-рыжий
и орёт: — Пюви! Пюви!

Он сидит. Лицо крестом.
Руки брошены на стол.

— Я отпетый, я раздетый,
обо мне смердят газеты,
деться некуда из хлева.
Детство, где ты? Краски, где вы?
Этот мир тузов и девок,
сделок — вот бы подороже —
брутов, лезущих из кожи, —
не увидеть, переделать,
пересилить — невозможно...
Матерь Божья!

Ходит длинными шагами,
ходит, будто настигают —
страх ли, страсть, его сестра...
Я размалываю кофе,
я скальпирую картофель:
мэтру ужинать пора...

Что добавить? Это было —
не устану вспоминать.
Время сивою кобылой
протрусилло мимо нас.
В добрый час! Но мы-то, грешные,
жалкие от немоты, —
пусто краски нам замешивать
и натягивать холсты...

Осень. Восемь пополудни.
Людно празднуются будни.
Кисти немы, кости ниц...
Вот сижу: седой, небритый,
бывший — битый и забытый —
твой слуга и ученик...

Осень. Сложены тетрадкой
титры канувшего сна.
А у нас на Петроградской
ходит тайная весна.

1969, 1970

НА ПЕТРОГРАДСКОЙ

1

Где-то там, на Петроградской,
в старом доме у метро,
дремлет Эйлер над тетрадкой
с уравнением Клеро.

Тени длинные крадутся
от неонов во дворе.

Вышла в кухню тётя Дуся
за кофейником смотреть.

Тишина такая в мире,
будто вдруг не стало слов:
Эйлер в маленькой квартире
тихо дремлет за столом.

(Кто я? Мирный обыватель:
туфли тёплые на вате,
кресла, древние, как мир,
да амбирные кровати,
да пылающий камин —
вот и весь старик. Аминь.)

2

Где-то там, на Петроградской,
в стороне весёлых снов,
тени движутся украдкой
у любимой под окном.
Я взлетаю к ней на пятый
и, дыханье затаив,

слышу только сердцу внятный
каблучков речитатив.
Что за встреча у порога!...
(Впрочем, не об этом речь!)
— Я не поздно? Ради бога,
собирайся поскорей!
Девять бьёт. Улыбку пряча,
говорит она хитро:
— Понимаешь, вот задача
с уравнением Клеро...
— Мы же званы на варенье!
Верно, ждёт давно старик!
Я не смыслю в уравнениях —
лучше с ним поговори...

3

Где-то там, на Петроградской,
вянут флоксы фонарей;
в хороводе залихватском
пляшут тени во дворе.
Время тянется, как невод,
мы у Эйлера в гостях;
говорю со старым Лео
о футбольных новостях,
о поэтах, о рассветах,
об июльской полутьме...
Но не это, но не это
у подруги на уме —

бойко пишет интегралы,
кофе стынет на столе,
рассуждают — боже правый! —
о проблеме Дирихле.
Мне же с миною дурацкой
только слушать и молчать...

4

Где-то там, на Петроградской,
бьёт одиннадцатый час.
Лето. Ночь идёт по крышам
Петроградской стороны.
Говорю ей строго: — Тише!
Дети спят и видят сны.

1969, 20.01.70

БЪЯНКА КАПЕЛЛО

Венеция. Мост через канал. Направо
палаццо Капелли, налево доходный дом.
На мост поднимаются Аллори и
Бонавентури.

АЛЛОРИ

Вот здесь тебе почтенная матрона
Охотно комнату отдаст внаймы.
Я у неё живал когда-то сам,
О чем без сожалений вспоминаю.

(Бьянка в сопровождении кормилицы
приближаются с набережной и входят
в боковую дверь дворца.)

Однако что с тобой?

БОНАВЕНТУРИ

Постой, Аллори!

Ты видел?

АЛЛОРИ

Да, девчонка хороша.
Хотел бы знать я, кто она.

БОНАВЕНТУРИ

Мадонна!

АЛЛОРИ

Ну, нет уж! Богоматери черты
Должны быть мягче. Эта синьорина
Хоть и не подняла ресниц, в глазах
Своих таит недюжинное пламя
И вся она — не кротость, но гордыня.
Нет, я Христа родительницы образ
С неё писать не стал бы!

БОНАВЕНТУРИ

Ты в уме ли?

Или на родине у нас, в Тоскане,
Ты видел равных ей?

АЛЛОРИ

Положим, нет.

Что ж из того? Христова мать блондинка!

БОНАВЕНТУРИ

Она брюнетка, ибо вот тот образ,
Который ей единственно сродни!
Но спор ненужный бросим...

(Из дворца выходит слуга с корзинкой.)

Эй, приятель!

Кому ты служишь?

СЛУГА

Господам Капелли.

(в сторону)

От иностранцев нынче спасу нет!
Глядишь, и ног не унести: сердиты.

БОНАВЕНТУРИ

Скажи нам имя юной синьорины.

СЛУГА

Достопочтеннейшие господа!
Вы сами кто? Приезжие, должно быть.
Я мелкий люд, уж это точно так,
Конечно, пёс я, но уж только верный!
Закон республики премного строг.
А вдруг шпионы вы?

БОНАВЕНТУРИ

Лови, бездельник,
Вот серебро. Как синьорины имя?

СЛУГА (пробует монету на зуб)

Ах, боязно мне как! Я мошка, мышка,
А малость оплошал, глядишь — и крышка!
Удавит сбир! С живого спустит шкуру...

(смотрит на Аллори)

А тот синьор — совсем по виду турок.
Неровен час, ещё напустит порчу...

БОНАВЕНТУРИ

А ну, мошенник, хватит рожи корчить!

СЛУГА

Он на жида похож!

АЛЛОРИ

(берётся за кинжал)

Что я не жид,

Узнаешь ты, ещё покуда жив!

СЛУГА (отскакивая)

Как барышни божественна осанка!...

БОНАВЕНТУРИ

(хватает слугу за горло)

Тебе конец! Ты скажешь имя?

СЛУГА (сдавленно)

Бьянка.*

18.08.68, 13.08.70

* Автор позволил себе познакомить Пьетро Бонавентури (1548-1584) и Алессандро Аллори (1535-1607). Авантюрист Бонавентури

соблазняет Бьянку и тайно увозит её из Венеции. Во Флоренции молодые супруги бедствуют и не ладят. Бьянка становится возлюбленной Франческо Медичи. Бонавентури убит — по приказу Бьянки или при её попустительстве. Живописец Аллори, ученик Понтормо, писал Бьянку на вилле Поджо-ди-Кайяно незадолго до её гибели от ею же приготовленного яда, в бытность её женой Франческо Медичи и флорентийской герцогиней. 13.08.70.

ЛИХОРАДКА

Я болен, я болен —
ни смерти, ни сна:
со всех колоколен
гундосит весна.

Скажите, доколе
мне жёрнов нести —
оскомин дрекольем
глаголы пасти?

Спасти очертанья
исчерпанных слов?
Окстись, на черта мне,
на кой мне сдалось!

Но вот на приколе
восьмая весна —
я болен, я болен,
ни смерти, ни сна.

Лежу в этом мире
безумных потуг
в пещерной квартире,
в холодном поту,

лежу, точно в склепе,
в юдоли земной.
Но чудится: степи
простёрлись за мной —

погоня, погоня,
полтинники юрт,
приземисты кони
и стрелы снуют —

от них ускоачу ли
в полуденный зной?
Косоги почуяли
запах степной!

Всё уже и уже
подковы охват —
погоня! Но ужас:
то скачут слова!

Я пойман — я эпик,
а эпоса даль —
то скифские степи,
то мокрый асфальт,

то лошади Клодта,
то старый вокзал —
мальчишки в пилотках,
девчонки в слезах...

Но полно! Ответьте,
отриньте мой бред:
какое столетье
стоит на дворе?

Наречь лихорадкой
хворобу мою
со дна Петроградской
восходит июнь.

1968, 28.08.70

ЧАРЫ СЕНТЯБРЯ

Слова, мелодии, опять слова
мне целый месяц не дают покоя.
Наверное, сентябрь виноват,
наверное, поникшие левкой...

Брожу по улицам, в полях брожу,
виденьями таинственными брежу,
а мир вещей мне видится все реже.
Должно быть, возраст положил между...

Доверюсь ли, как прежде, сентябрю,
его картинам медленным и серым?
И снова я не буду пионером,
но истины простые повторю:

о том, что время бег остановило,
и если тихо по лесу бродить —
чудесен он: то лешим сук глядит,
то звонко в чаще рассмеётся вила —

и вы уж видите её: сидит
на корточках, курногая, босая,
ежа с ладони на ладонь бросает
и заливается... А лес сердит

и подойти поближе не позволит:
шагнёте — ветка хрустнет под ногой,

девчонка вскрикнет, вскочит и — бегом,
и ёж поспешно улизнёт, доволен...

С улыбкой принимаю этот бред
счастливого смиренья и покоя.
Замечено, что только в сентябре
со мной ещё случается такое.

3.09.70

СВЯТОЙ ДОМИНИК

О, я верую страстно!
Ты душу мою помяни,
заступи перед господом нашим,
святой Доминик!
Заступи, заклинаю тебя
человеком-Христом!
Да простится мне грех,
что колен не умел преклонить,
и гордыня мирская,
и плоти потворство — за то,
что в слезах уходил
от елейной премудрости книг
к благодати,
твоим указуемой в небе перстом.

Помяни мои слёзы
у отчих колен, Доминик!
Да не взыщет создатель
за помыслов прошлых пути,
ибо вот я прозрел!
А ещё ты раба помяни
Боттичелли,
что к истинной вере меня обратил.

7.06-25.08.70

От песенного щебета уход
Я праздную. Меня влекут раздумья —
И, значит, ямбы... Вот куда уйду я
От звуком захлебнувшихся стихов!...

Отправлюсь в рощу или бор сосновый,
Где тяготы становятся легки,
И отступают в сумрак пустыки,
И прорисовываются основы.

Ответ готов: излучину пути
Так явственно отображает осень,

Так благостны простые рифмы сосен,
И так нетрудно волю обрести.

Поблѣкли краски — но кого винить вы
Осмелитесь? Природа такова
Сосредоточенности. И слова
Являются непрошенной молитвы:

Внуши мне веру, преподобный ямб!
Пусть говорят, что ты ступенька к прозе.
Мне дактиль — дед, хорей — сестрёнки вроде,
Но ты отец мне, пятистопный ямб.

Ты, сына блудного приема, отче,
Прости ему отступничества грех:
Те десять тысяч нерождённых строчек,
Те десять лет языческих утех!

6.09.70

Уеду в далёкие дали,
Куда и глаза не глядят:
В Сибирь, на Камчатку, на Дальний
Восток... от себя, наугад, —
Сто лет повторяю подряд.

Сто лет, повторяю, а всё же
Не сняться в дорогу никак.
Лишь брови сдвигаются строже,
Да тени легли на висках:
Я прочно увяз в пустаках.

В сетях чепухи эпохальной
Скитается тусклый мой взгляд.
Подвохи с ухмылкой нахальной
Над жалким уютом скулят —
И гонят к Макару телят.

Мне страшно себя подытожить,
Порыться в души тайниках...
Стою у шагреновой кожи —
В глазах стоеросовый страх
Да чётки недели в руках.

17.10.70

Уходят электрички
Прямые, как мечи,
Способные в кавычки
Минуту заключить,

Рассеянную просинь
Пронзая на ветру,
Туда, туда, где осень
Вершит свою игру.

В полях, где на этапах
Ночуют журавли,
Вдыхаю пряный запах
Распаханной земли

И воздух пью запоем,
Настоянный в лесах,
На листьях и на хвое,
На травах и грибах.

29.10.70

АМНЕРИС

Светлые такты печали
Тают в партере и ложах.
Девушка плачет ночами,
Плачет и плакать не может.

Ночь промелькнёт. Неизменный
Ра возродится, а ей

Нужно прислуге надменной
Скорби не выдать своей.

В смене картин ежедневной
Некому сердце открыть.
Милая! Тяжко царевной,
Легче невольницей быть.

4.10.70

ХЛЕБНИКОВ В 1921 ГОДУ

В том году, подобном мальчугану
С головой кудлатой и шальной,
Хлебников скитался по Ирану,
Выжженному солнцем и войной.

Исхудавший на походных трактах,
С карабином на ремне, босой
И длинноволосый, брёл он как-то
Каспия прибрежной полосой.

И лишь день повинной головою
На черту закатную поник,
Перед путником возникли двое:
Девочка и сгорбленный старик.

Будто бы соткались из сгущений
Сумерек и всхлипов тишины
Эти полупризрачные тени
Господом оставленной страны.

Страх ли, голод, помутивший разум,
Выгнали несчастных из лачуг?
Нищие, брели они к Ширазу,
В неизвестность, на далёкий юг.

Хлебников сказал им: — День мой прожит.
До ночлега пустяковый путь.
Вот моя осьмушка. Я, быть может,
В Энзели добуду что-нибудь.

Детские глаза сверкнули вечным
Голодом. Старик потупил взгляд.
— Мы бедны, и заплатить нам нечем.
Ты же сам, как видно, не богат... —

— Если впрямь необходима плата,
Знаком воинского ремесла
Пусть цветок украсит грудь солдата —
Тот, что девочка в руке несла! —

И старик ответил: — Ты не воин!
Ты приносишь счастье беднякам.
Будь по-твоему. И да спокоен
Сделается путь твоим ногам! —

А дорога выдалась неблизкой —
Время осмысления начал.
Только месяц выскобленной миской
Рукописей правку замечал.

Предпоследнее стояло лето,
Вызревали знаками слова...
И повсюду впереди поэта
Шла о нём народная молва.

Говорили: — Путь не к нам ли держишь?
Не беги от нашего стола.
Мы ведь знаем, кто ты: русский дервиш,
Счастье приносящий, гюль-мулла!

7.10.70

ЭПИТАФИЯ ХЛЕБНИКОВУ

(палиндром)

Рим и лев — герб, а муза — разума брег, Велимир.

13.06.70

Что с Россиюю случилось?
Темно среди белого дня!
Это, верно, усталость
лишила рассудка меня,
Или, может, я болен —
такое привиделось мне!
Пол-Европы не сладило с нею
в минувшей войне*,
Бонапарт надорвался,
а прежде Батый и Кончак...

— Саранча, говорю я тебе!
На полях саранча!

1.10.70

* Стыжусь этой мысли, но — «не смываю» (как и многое другое). В двадцать четыре года следовало быть поумнее. Ю. К. (1984)

ВЕСЁЛЫЙ ДЕРВИШ

Матери

Не ноги у него — ножищи,
Не руки у него — ручищи,
Ощипан с головы до пят —
Лохмотья жалкие вопят.

И духом он, и телом нищий...
Ночует под мостом опять...

А всё же, веришь иль не веришь,
Он счастьем полон до краёв, —
Невиданный весёлый дервиш,
Чудак, призвание моё...

14.08.70

Звучные капли упали.
Даль голубая поблёлка.
Вижу сквозь мокрые стёкла
Города хмурые дали.

В брызгах витрины и фары,
Шляпы и макинтоши.
Слушают поступь прохожих
Тусклые тротуары.

Вышла и не обернулась.
Медлишь на остановке.
Лужа у самой бровки
Отблесками захлебнулась.

Тучи на горизонте
Слепо сомкнулись без силы,
Дождик трусит унылый,
Ветер треплет твой зонтик.

1961, 1970

Идут года... Они идут, года, —
И откровенья нас не посещают.
Прощайте, мыслящие угадать
Первопричину сущего. Прощайте!

Возьмите мира общие черты
И облик помыслов его огромных.
А я с тобою остаюсь: лишь ты
Пестунья грёз моих, отныне скромных.

Мне рифмы точные милей теперь.
В них вижу будущее. Ночью этой
В сады эдема приоткрыта дверь —
И, значит, сна не будет до рассвета.

30.08.70

При мёртвом штиле тонут корабли.
Приходит счастье в облике измены.
Так Лорку предал Сальвадор Дали.
Так ты мне изменяешь в сокровенном.

1970, сентябрь

Т. К.

Любимая, ни слова о любви!
Любовь не аллилуйя и не довод.
Но если есть ещё порыв, порви
Связавшие тебе уста оковы,
И если есть ещё слова, скажи,
Какую боль ты назвала любовью,
И то ещё, как жить мне с этой болью,
И то ещё, как без неё мне жить.

3.05.69

Т. К.

Любимая, слова легки
И лишь поступок — труден.
Но будут всё-таки стихи,
И равных им не будет —
Не потому, что лучше ты,
Чем все, кто был мне мил,
А потому, что лучше ты,
Чем этот целый мир.

25.07.70

СОДЕРЖАНИЕ

В СТАРОМ СВЕТЕ

СТАРО-НОВЫЙ ДИВАН 5

- «На пиру хозяин садится в центре скамьи...» 7
«Из тьмы выходит Эос...» 8
ВЕРУЛАМИУМ 9
СЛЫШУ КЛЁКОТ 10
«Осип и Франц на ранних снимках похожи...» 11
«Евреи несут ...» 12
«Расцвёл нарцисс. Холодный март стоит...» 12
ОДНОКЛАССНИКИ 13
«Вчера сплошной пустыней степь была...» 14
«Евгений... Какое красивое имя: Евгений!» 15
«Меж сверстников я друга не нашёл...» 15
«Вот Гамлет. Он уцелел и стал королём» 17
К ПЕВЦУ ПИРОВ 18
НЕГОДЯЙ 18
ФАРИСЕЙ 20
ИЗГНАННИК 21
«Инфузория, ты мой предок...» 25
«Я откусил от вечности кусок...» 26
«Обожгу горшок, напишу стишок...» 26
СТАНСЫ («Ещё один день без голода и мучений...») 27
«Есть много славных мест...» 28
«Святой Георгий на коне...» 28
«Ждёшь этих звуков блаженных...» 29
«Галс невыгодный выбран: крутой бейдевинд» 30

МУДРЫЙ НЬЯЛЬ 31
СОН («Она ребёнка уложила...») 33
ОСЕНЬ В АНГЛИИ 34
«Учёный Ю-Кунь любил свой нищенский дом...» 38
МЕДЕЯ 40
«Лукавая мечта мне душу веселит...» 41
«Влюблённые играют в поддавки...» 41
«Видно, что ветреный день...» 42
«Цветок незряч и слуха не имеет...» 43
«Устал ли ты в чужом краю...» 43
«Я не мыслитель, нет. Но вот хоть Кьеркегор...» 44
«Друг от другая нам некуда деться...» 45
«Бесполезное крылатое прости...» 45
«Он отличает стыд и совесть...» 46
«Мальчишкой я молитву произнёс...» 47
«Вы оба слева: сердце и ты...» 48
«Без преданности нет предательства...» 49
«Есть неосуществимая мечта...» 49
«Подстреленная лань убийце лижет руку...» 50
«Если другая положит мне руку на грудь...» 51
«Киприда пенорождённая...» 52
«Не прощай. Да и я не прощу...» 53
«Я свободен, свободен...» 54
«Викси, птица викси, отзовись...» 56
«Девушки Рая и Ада из рая и ада...» 57
«Много жизней прозаику нужно прожить...» 58
«Любовь и кровь навеки сведены...» 59
УМОЛКНИ, МЫСЛЬ! (Из Вильгельма Л.) 60
ИЗБАВЛЕНИЕ (Сомнамбулический романс) 61
«Нашу неизбежную разлуку...» 65

- «Не учи меня жить, я и сам не умею...» 66
«Нарисуй для меня скворца...» 67
«Ты умираешь, маленький человек...» 68
«Мистраль ещё не стих...» 68
«Умер Саша Незлобин...» 69
«Когда я умру, я буду разом повсюду...» 71
«Мир огромен, а ты муравей...» 72
«Небесной тишины не нарушая...» 73
СМЕРТЬ УМЕРЛА (из Дилана Томаса) 74
«Бог даст... Но он же и отберёт...» 76
В УМБРИИ 77
КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ 77
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ («Вот Риджентс-парк...») 78
НА ЗАМУЖЕСТВО А. К. 79
«Помер бедный малый Робин Кук...» 80
«И Кибеле, и Венере...» 82
«Они прослышали, что есть литература...» 83
ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ 83
«Бессмертную-то — что ж и не продать?» 87
«Из лучистой материи всё сплетено...» 88
«Кондитерская слава воителю нужна...» 88
«Разбит Наполеон — и сад разбит...» 89
«Народ поумнеет, поймёт...» 89
У МУЗЕЯ («Времени изуверского...») 90
«Сердца для чести живы» 90
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА 91
«Я в молодости деятелен был...» 93
РИФМА 94
«В коротком списке — Пушкин, Гёте, Дант...» 96
«Как хороша его строка!» 96

- «Тем начат век серебряный, а этим...» 98
«Эхо горестной пропажи...» 98
ЭПИТАФИЯ 99
«Я в рифму говорил. Занятная напасть...» 100
«Мои стихи меня переживут...» 101
К ЕВРИДИКЕ (Ты, милая, вела меня во тьме...) 102
У ТРАПА («Совершается судьба...») 102

МЛЕЧНОЕ

ВРЕМЯ, НАЗАД! 105

ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ

- ИОНИЙЦЫ 109
МОРЕ 110
ПОДРАЖАНИЕ ГЮГО 111
С АНГЛИЙСКОГО 112
«Весны могучее дыханье...» 112
ГОЛУБОЕ НОЧНОЕ СВЕТИЛО 113
СКИТАЛЕЦ («В просторах Азии бескрайной...») 114
«Меркнут закатные дали...» 115
ЛЮДИ И ЗВЁЗДЫ 116
ПЕРЕД КАЗНЬЮ 117
«Пусть не будет надежд безнадёжных...» 124
«Ловлю заката сумрак алый...» 124
«Из-за туч появилась луна...» 125
«В бархатном небе Востока...» 128
«На крутом берегу, над притихшей рекой...» 129
СФИНКС 131
«Вечер лапой мглы стирает...» 133

ФЛОРЕАЛЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА	134
VITA NUOVA	135
ЛУННАЯ ТРОПА («Под лунной безучастною...»)	135
«Планете, заревом объята...»	136
НАД ЖДАНОВКОЙ	137
СОН	142
ПРЕЛЮДИЯ	143
НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ	143
АМНЕРИС	144
ДОРОГА ЗВЁЗДНОГО ОГНЯ	146
ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ ГОРОДЕ	155
ДОРОГА НИКУДА	159
«Луна включена на кирпичной трубе...»	160
«Здесь, на нашей планете...»	160
ДОЛЬМЕН	162
«Твёрдой рукой с листа сотру...»	164
«Разметались в небе...»	164
«Мой побеждённый друг, ты победил...»	165
«В парке так же тихо. Синий-синий вечер...»	166
«Я помню наизусть слова признаний...»	167
«Весна — это просто прозрачнее сна...»	167
«Последнее лето детства...»	168
«Звучные капли упали...»	169
ПИСЬМО О ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ	169

ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ	171
«Такой туман, что не слышать копыт...»	172
«Я — жертвенный бык...»	173

«Разлетелись чёрною стаей...»	175
«Распятие и плаха. Взгляни на меня, Беатриче...»	176
«А вот уже и площадь Льва Толстого...»	177
«Закатно мне...»	178
ПРЕСТУПЛЕНИЕ («В нашем парке сосны...»)	179
«В физике, в Пальмире...»	180
СЕССИЯ	181
СТУДЕНЧЕСКАЯ	183
ПИСЬМО («Вот ежедневное начало...»)	184
«Ничем не примечательна минута...»	185
ПОЛНОЧНАЯ ЗАРЯ («Весна играет скетчи»)	186
«Собрав свои румяна и белила...»	188
ФИЗИКИ	189
«Осенний ворох слов, сомнений ворох...»	191
«Чьи-то губы мне ближе твоих...»	192
«Когда-нибудь, рассудочен и сед ...»	193
РАЗГОВОР С ДЕДОМ	194
«У революций есть давно забытый навык...»	197
КОММУНИСТЫ	199
КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ	199
«Так бестолково, так неловко...»	200
ГАДАЛКА	201
СОНЕТ («Как мне забыть твои глаза и губы...»)	202
«Мир потихоньку тает...»	203
ПРЕСТУПЛЕНИЕ («Помнят разве фонари»)	204
ЗА ИСПАНСКИМ ЗОЛОТОМ	205
«На Невском, под чахлыми липами...»	211
ЧЕШСКИЙ ДНЕВНИК	212
ОСЕНЬ В КАРФАГЕНЕ	222
«Сашка канул...»	226

- ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ 227
«К сердцу комом подступают ямбы...» 233
«В нас затаилась осень...» 233

ПО ТУ СТОРОНУ

- ЛЕТЕЙСКИЕ ВОДЫ 235
«Демон ли, дух ли, гений...» 236
«В Павловском парке...» 237
ГОСТИНЫЙ ДВОР 239
«Для меня на целом свете...» 244
«Обо мне пускай не плачет...» 245
БББ («Про выстрелы и ладан...») 246
ОЛОНЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 247
ПОДРАЖАНИЕ ГАРСИА-ЛОРКЕ 249
СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС 251
«День, ты сна не дал мне доглядеть...» 252
«Сентябрь увиделся мне...» 253
«Это только игра, игра...» 254
«Я все свои сроки просрочил...» 255
УСТАЛОСТЬ 256
«Велик архив мой...» 257
«А ты всё та же, та же...» 259
ЭЛИСЕНВААРА 260
«Поэт не в античных ли метил мещан?» 261
СОНЕТ («Кое-какие весомые истины...») 262
«Скука ли? Голод? Чёрт ли их гонит...» 263
ГОРОЖАНЕ («Что нас держит в столицах...») 264
СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПИСЬМО 266
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ М. Г. 269
«Сколько золота рассеяно...» 270

ПЮВИ	270
НА ПЕТРОГРАДСКОЙ	273
БЬЯНКА КАПЕЛЛО	276
ЛИХОРАДКА	280
ЧАРЫ СЕНТЯБРЯ	283
СВЯТОЙ ДОМИНИК	284
«От песенного щебета угод...»	285
«Уеду в далёкие дали...»	286
«Уходят электрички...»	287
АМНЕРИС	288
ХЛЕБНИКОВ В 1921 ГОДУ	289
ЭПИТАФИЯ ХЛЕБНИКОВУ	291
«Что с Россией случилось?»	292
Весёлый дервиш	292
«Звучные капли упали...»	293
«Идут года... Они идут, года...»	294
«При мёртвом штиле тонут корабли...»	295
«Любимая, ни слова о любви...»	295
«Любимая, слова легки...»	296

